

УТЕШЕНИЕ В СМЕРТИ БЛИЗКИХ СЕРДЦУ

Епископа Гермогена,
бывшего протоиерея Константина Добронравина

С.-Петербург

1898г.

УТЕШЕНИЕ В СМЕРТИ БЛИЗКИХ СЕРДЦУ

* * * * *

Нет... Что ни говорите сердцу, а ему сродно горевать о потере близких; как ни удерживайте слезы, а они невольно струятся ручьем над могилой, в которой сокрыт родственный, драгоценный нам прах. Правда, — слезами не вернуть того, что взято могилой, — но потому-то и слезы струятся ручьем, что возврата нет из могилы... Я лишился, например, друга, которого жизнью я жил, и мне ли не плакать, когда вспомню, что тут в могиле погребено все мое счастье, тут сокрылись лучшие мои радости, сладостнейшие надежды мои?... Нем тот язык, который так сладко и утешительно делил со мной беседы и в часы радости, и в минуту скорби; замерло то дыхание, которое дышало одною ко мне любовью, и та нежная рука, которая так бережливо хранила меня, с такою охотою и любовью благодарила мне везде, охладела для меня — навсегда... Как слезам не литься? Могу ли не плакать, когда представляю себе, что это чело, в котором действовал некогда ум с такою силою, послужит пищею червей; это сердце, столь радостно трепетавшее жизнью и любовью, сделается добычею тления?... И бедный человек чего, чего не делает, к чему не прибегает, чтобы только облегчить сердечную скорбь? Но, увы!... все напрасно.

Только в слезах, в одних почти слезах, находит для себя некоторую отраду и только они, и почти они одни, несколько облегчают тяжесть его сердца, потому что с ними только капля по капле вытекает вся жгучесть душевной скорби, весь яд сердечной болезни... Слышит он отовсюду: "не плачь, не будь малодушен". Но эти возгласы — не пластырь на раны, а часто наносят сердцу новые раны. — "Не будь малодушен". Но кто скажет, что Авраам был малодушен, а и он плакал, рыдал по жене своей Сарре, прожившей 127 лет. Малодушен ли был Иосиф? А и он плакал об отце своем Иакове, и плакал не день, не два, а семьдесят дней. Кто скажет, что малодушен был и св. царь Давид? А послушайте, как горько рыдает он при вести о смерти сына своего Авессалом: "сын мой Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! о, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!" (2Цар.18:33) Нет, каждая могила достойного человека всегда орошается слезою горькой любви. И что говорить о людях, когда и Сам Спаситель, до конца потерпевший Свои неопишимо тяжкие страдания на кресте, над прахом друга своего Лазаря возмущился духом и прослезился? Он плакал, Владыка живота и смерти, плакал в то время, когда пришел ко гробу друга Своего с тою именно целью, чтобы воскресить его из мертвых... А нам, немощным людям, удержать слезы, при разлуке с милым сердцу, нам остановить вздохи в сжатой от скорби груди, — о, это невозможно, это противно нашей природе... Нет, дайте нам каменное сердце, — и слез тогда у нас не будет, — или не мешайте лить слезы!...

Все это — правда. И я не могу, не смею осуждать ваши слезы; я даже готов смешать свои слезы с вашими: я хорошо понимаю, что где сокровище ваше, там и сердце ваше (Матф.6:21); я знаю, по собственному опыту знаю, как тяжело, невыразимо тяжело поднять руку, чтобы бросить на прощанье горсть земли в могилу близкого, родного... Плачу и рыдаю, когда думаю о смерти и вижу во гробе лежащую, по образу Божию созданную, нашу красоту, безобразну, бесславну, не имеющую вида... (Погребальный канон преподобного Иоанна Дамаскина) Но как ни сродно нам плакать о близких нам усопших, однакож эта скорбь наша

должна иметь свою меру. Иное дело — язычники: они плачут, и плачут иногда безутешно; потому что не имеют упования. Но христианин не язычник: ему и стыдно, и грешно плакать об умерших без всякой отрады и утешения.

"Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды" (1Фесс.4:13). — говорит Апостол всем христианам — "Дабы вы не скорбели..." Что же может облегчить эту скорбь христианина? Где для него этот источник отрады и утешения?... Рассмотрим причины, которые заставляют нас лить слезы над прахом близких, и Бог поможет нам найти для себя этот источник. Итак, о чем же мы плачем при разлуке с милым сердцу? Прежде и более всего о том, что он перестал жить с нами на этом свете.

Он перестал жить с нами на этом свете... Но посмотрите беспристрастно на жизнь нашу земную и рассудите, что она такое.

Давно премудрый сказал: "Суета сует, - все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?" (Еккл.1:2-3) Кто же это так невыгодно отозвался о здешней жизни? Уж не узник ли какой, который, сидя в душной темнице, не видит почти ничего, кроме тяжких цепей, раздирающих его тело? Такая жизнь кому приятна? И вот не он ли это оглашает своды темницы таким безотрадным воплем: "Суета сует, - все суета?..." Нет, не он. Так, может быть, богач, по непредвиденным обстоятельствам, ниспал в нищету, или бедняк, который при всех трудах и усилиях, чуть не умирает от холода и голода?... Нет, и не такой человек. Так видно, обманутый честолюбец, который всю жизнь свою посвящал на то, чтобы подняться в обществе на несколько ступеней выше, и, после бесполезных трудов и усилий, видит себя еще менее уважаемым, чем прежде, когда он стоял ниже, но действовал благороднее?...О, нет, нет; и не такой человек. Кто же этот несчастный с таким мрачным взглядом на мир?... Это — Соломон, это — царь, и какой царь!... Чего ему не доставало для счастливой жизни? Мудрости ли? Но кто мудрее был того, кому известны были и состав земли, и действия стихий, и течение времени, и расположение звезд, и свойства животных, и помышления человеков... и все, что скрыто и явно? Богатства ли? Но кто мог быть богаче того, кому целый свет, и земля и море, приносили все лучшие сокровища, у кого было и золото, и серебро, и имения царей и стран?... Славы ли, или величия?... Но какое имя было громче имени царя израильского, обладавшего миллионами подданных? Наслаждения ли благами жизни? Но вот что сам он говорит о себе: "Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моею долею от всех трудов моих..." (Еккл.2:10) Кому бы, казалось, могла прискучить такая счастливая, привольная жизнь; и, однако ж, человек, которому суждено было обладать всеми благами земными и испытать все разнообразные наслаждения жизни, — человек этот, испытав все, сделал наконец такое заключение о жизни: "Суета сует, - все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?" (Еккл.1:2-3)

Или вот еще другой царь, св. Давид. Престол его сияет золотом, а он и среди блеска золота взывает: "Сердце мое поражено, и иссохло, как трава, так что я забываю есть хлеб мой..." (Пс.101:5), "Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами" (Пс.101:10). Царская диадема его сияет драгоценными камнями; а из груди его, покрытой блеском славы и

величия, исторгается вопль: "Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок..." (Пс.21:15,16) Дворец его из кедра и кипариса, но для грусти и туда открыты двери, и вот из глубины богатых чертогов слышатся вздохи: "Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою..." (Пс.6:7) Так вздыхали о тяжести жизни и счастливейшие из людей: что же сказать о тех, которым досталось во всю жизнь свою нести тяжкий крест испытания? Терпелив был Иеремия пророк среди гонений и обид, которые испытывал он отовсюду, как обличитель лжи и нечестия; а были, однако ж, минуты, когда и этот терпеливый страдалец взывал: "За что так упорна болезнь моя, и рана моя так неисцельна, что отвергает врачевание? Неужели Ты будешь для меня как бы обманчивым источником, неверною водою?" (Иер.15:18), "Горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею! никому не давал я в рост, и мне никто не давал в рост, [а] все проклинают меня". (Иер.15:10) А Иов, этот дивный пример твердости и великодушия в несчастьи?... Невольно изумляешься, когда слышишь, как он благословляет Бога и в тот самый день, когда все стада его гибнут и все дети его кончают дни свои под развалинами дома... Какое несчастье и какое великодушие! Но для Иова как будто еще мало: вот покрывают его смрадные струпы от ног до головы; а тут является жена, подруга жизни, и учит его отчаянию; здесь являются его друзья как будто для того только, чтоб больше раздражать его... Боже мой, Боже мой! Сколько стрел в одну цель! Сколько бед на одну голову!... И Иов, однакож, все благословляет Бога... Какая необычайная сила духа! Какое изумительное терпение! Но человек — не камень: были минуты, когда и эта алмазная душа разбивалась от скорби; были минуты, когда и сам Иов, покрытый струпами, сидя на гноище, горько взывал: "Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек!" (Иов.3:3), "Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?" (Иов.3:11), "Когда ложусь, то говорю: "когда-то встану?", а вечер длится, и я ворочаюсь досыта до самого рассвета". (Иов.7:4) Но к чему прислушиваться к воплям такой глубокой древности? Вот и мы живем и, взглянув беспристрастно на дни свои, не скажем ли иной раз с тем же Иовом: "Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника?" (Иов.7:1) Вот рождается человек, — и в то время, как мать не помнит скорби от радости, яко человек родился в мир, первый привет земле этого нового гостя земного — горький вопль бессилия, как будто пророческий укор ей за те огорчения, какие она готовит ему... Вот приближается он к смерти, и что опять? Тяжким стоном изнеможения прощается с землею, как будто укоряя ее за минувшие бедствия... А по началу и концу легко уже судить и о продолжении жизни. И кто этого не испытал? Ибо кто жил и не скорбел, кто жил и не проливал слез?

Один теряет близких и любезных сердцу, у другого страдает честь и слава, у третьего много врагов и завистников, четвертый стонет от болезни, иной вздыхает от расстройства домашних обстоятельств, этот оплакивает бедность свою... И обойдите всю вселенную, но где вы найдете человека, который бы был счастлив вполне, во всех отношениях?... Ищите дни, ищите ночи, а его нигде не найдете. Если бы и нашелся такой человек: что же? Самое опасение, чтобы со временем не изменились счастливые его обстоятельства, уже не есть ли для сердца его червь кровожадный? А страх смерти, которая рано или поздно, а непременно пресечет земное его счастье?... А совесть, а внутренняя борьба со страстями?...

Вот наша жизнь на земле! Здесь нет радости без скорби, нет счастья без бед. И это от того, что земля не ад, где слышны только вопли отчаяния и скрежет зубов, но и не рай, где раздаются только лики радости и блаженства. Что же такое жизнь наша на земле? Теперь — это место изгнания, где и вся тварь с нами совоздыхает и соболезнует даже до ныне. От того старайтесь, сколько сил есть, окружать себя одними радостями, а рано или поздно услышится голос: "Умножая умножу скорбь твою" (Быт.3:16). Усиливайтесь говорить душе своей: ешь, пей и веселись, а придет пора, и испытаются на деле слова Божии: "проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей" (Быт.3:17). Сейте вокруг себя розы счастья, а наступит время, и появятся подле вас тернии колючие. Наслаждайтесь свежестью сил своих, любуйтесь цветущим здоровьем и в лестной надежде прилагайте в мечтах своих дни ко дням, годы к годам, а ударит час, и вы, обманутые сладкими мечтами, со скорбью услышите глас: в сию ночь душу твою возьмут у тебя, прах ты и в прах возвратишься (Лук.12:20; Быт.3:19). Что такое жизнь наша на земле? Это — училище, где мы воспитываемся для неба. А одни ли только радости живут в училище, — об этом знает каждый, кто только учился. Весело иногда бывает вспомнить о жизни школьной по выходе из училища, а всегда ли весело было то время, когда воспитывались? Заботы, труды, огорчения — кто не помнит вас?... И кто, живя в училище, не думал и не мечтал: "Ах, скоро-ль окончатся мои занятия, скоро-ль выйду на свободу?..."

Что такое жизнь наша на земле? Это — поприще для беспрестанной войны со врагами, и с какими врагами!... Один другого лютее и хитрее: то мир нас преследует с хитростью коварного друга, или злобою свирепого врага, то плоть похотствует на дух, то дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить (1Пет.5:8). А доколе идет война, дотолле не может быть мира. Что такое жизнь наша на земле? Это — путь в нашу родину, и какой путь!... Есть и широкие, и гладкие пути; но не дай Бог вступить и идти этими путями: они опасны; они ведут в пагубу... Нет, не такой путь проложен для христианина от земли на небо; это — путь узкий, тернистый, такой путь, на котором дебри за дебрями, горы за горами, камни за камнями, терны за тернами... Тут не раз добрый путник вздохнет от сердца, не раз обольется кровью и слезами... Что такое жизнь наша на земле? Это — море, и какое море!... не тихое и светлое, на которое иногда приятно смотреть и любоваться; нет, это море грозное и шумное, море, воздвигаемое напастей бурей, на котором утлой ладье — нашей душе — непрестанно угрожают опасности, то от вихрей страстей, то от стремительных волн клеветы и нападений; и что было бы с нею, если бы у нее не было с собою кормила веры и якоря надежды?...

Итак, вот что значит жизнь наша на земле! Рассудите же теперь беспристрастно, о чем мы так безутешно плачем, при разлуке с близким нашему сердцу? О том, что он перестал жить на этом свете... А это что значит? То, что близкий нам уже окончил все суеты мирские, оставил все беды и огорчения, которые для нас еще остаются; то, что этот странник уже миновал страну пришельствия, этот воспитанник уже окончил лета воспитания, этот воин Христов уже оставил поле брани, этот путник достиг уже родины, этот плаватель уже проплыл бурное море и вошел в тихую пристань... Что же значат после этого слезы наши, когда смерть мужу покой, и на все наши вопли и рыдания не отвечает ли он нам своим мирным молчанием: не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших (Лук.23:28)? Итак, плачь над умершим, ибо свет исчез для него... Но меньше плачь над умершим, потому что он успокоился. (Сир.23:9,10). Почил от суеты, трудов, огорчений. Вот мысль, на которой

останавливались, хоть не к благоплодному утешению, при разлуке с близкими, многие язычники — люди, не имеющие упования, люди, которые верили и верят, что мертвые ничего не знают (Еккл.9:5), что случайно мы рождены, и после будем, как небывшие: дыхание в ноздрях наших — дым, и слово — искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших (Премудрости Соломона 2:4). Так верят язычники и, по вере своей, весело празднуют на курганах родных и друзей. Благодарение Господу!... Мы не язычники и тем с большим уважением и усладою можем, взирая на смерть, как на конец всем бедствиям и горестям жизни, повторить то, что сказал Премудрый: "И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе" (Еккл.4:2), или то, что сказал Апостол Христов: "блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих" (Откр.14:13). Но смерть не только есть конец нашей суетной жизни; она есть вместе и начало новой, несравненно лучшей жизни: смерть есть начало бессмертия, и вот новый для нас источник утешения при разлуке с близкими и родными, источник, из которого и Сам Спаситель почерпнул утешение для Марфы, оплакивавшей смерть брата своего Лазаря, когда сказал: воскреснет брат твой. Не место здесь подробно доказывать истину бессмертия нашей души и воскресения тела: какой христианин не исповедует священного догмата: чаю воскресения мертвых? Но мы только напоминаем здесь эту животворную и успокоительную истину: для человека, потерявшего кого-либо из близких сердцу, что может быть отраднее, как не убеждение, что человек, которого он оплакивает, не умер, а жив душою, и что будет время, когда он встанет не только с душою, но и с телом?... А эту истину, столь отрадную, каждый легко может видеть и в природе видимой, и в собственной душе, и в Слове Божиим, и в истории.

Вот на небе солнце. Смотрите же: утром оно, как младенец, является на небо, в полдень потом оно сияет с полной силой, а вечером, как умирающий старец, заходит за землю. Но меркнет ли оно в то время, когда земля наша, простившись с ним, покрывается мраком ночным? О, нет; оно светит попрежнему, только по другую сторону земли. Не ясный ли это образ того, что и душа наша — светильник нашего тела, не гаснет, когда тело, разлучившись с нею, скрывается во мраке могилы, а горит как и прежде, только на другой стороне — на небе?

А вот и земля проповедует ту же отрадную истину. Она весною является во всей красоте, летом приносит плоды, осенью теряет силы, а зимой, будто саваном умершего, покрывается снегом. Но уничтожается ли внутренняя жизнь земли, когда поверхность ее мертвеет от холода? О, нет; для нее снова наступит весна, и тогда она снова явится во всей красоте, с новыми свежими силами. Не образ ли это того, что и душа, — эта жизненная сила человека, — не гибнет, когда брэнная оболочка ее мертвеет? Не образ ли это того, что и для умершего наступит некогда прекрасная весна воскресения, когда он не только с душою, но и с телом встанет для новой жизни?

Но что говорить о солнце, что о земле, когда и самые цветы полевые, так небрежно нами попираемые, только на время теряют свое бытие, чтобы потом опять явиться в такой красоте, что и сам Соломон не одевался так, как каждый из них? Словом, в природе все умирает, и ничто не погибает: возможно ли же, чтоб только одна душа человеческая, для

которой все земное создано, со смертью тела навсегда прекратила свое бытие?... О, нет, нет!

Всеблагий Бог единственно по благодати Своей сотворил человека, украсив его Своим образом и подобием так, что человек только малым чим умален от Ангел: но в чем бы отразилась благодать Его, если бы человек прожил на земле пятьдесят, много сто лет, и то большею частью в борьбе с лишениями, скорбями, испытаниями, и потом со смертью потерял навсегда свое бытие?... Бог премудр: что же? Для того ли только Он украсил нас Богоподобными совершенствами и даровал нам все для жизни и благочестия, чтобы это прекрасное создание после нескольких десятков лет вдруг уничтожить?... Бог правосуден: а на земле Его что такое?... Часто и часто здесь путь нечестивых успешен, праведные же срезаются, как колоса..., добродетель стонет от горя, порок ликует от радости... О, будет, несомненно будет время праведного суда и воздаяния, когда каждый получи [соответственно тому], что он делал, живя в теле, доброе или худое (2Кор.5:10)... Жив Бог, — жива душа моя! Эту отрадную истину с полной силой раскрывает слово Божие и подтверждает история. Вот пророк Даниил говорит: "И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление". (Дан.12:2) Вот Исаия взывает: "Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела!" (Ис.26:19) Вот Иов размышляет: "Когда умрет человек, то будет ли он опять жить? А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию". (Иов.14:14; 19:25) А вот и дивное свидетельство пророка Иезекииля: ему суждено было даже видеть образ сего воскресения. Среди поля, усеянного сухими костями человеческими, он видел, как, по слову Божию, кости эти пришли в движение и стали совокупляться одна к другой, каждая к своему составу, как потом появились на них жилы и выросла плоть, как покрылись они кожей, потом вошел в них дух жизни, и они жили и стали на ногах своих в великом множестве. Вслушайтесь еще в слова доблестной матери Маккавеев, исстрадавшейся страшными мучениями своих сыновей-мучеников, в слова, сказанные ею последнему, самому младшему своему сыну: "Умоляю тебя, дитя мое ... будь достойным братьев твоих и прими смерть, чтобы я по милости Божией опять приобрела тебя с братьями твоими" (2Макк.7:28,29) И так, эта дивная мать, впоследствии, после мученической кончины семи сыновей своих, сама потерпевшая ту же кончину, только тем и утешалась, что по смерти своей опять будет неразлучно вместе со своими сыновьями-мучениками. Но эта утешительная истина, столь ясно открытая в Ветхом Завете, в полном уже свете является в Завете Новом. Ибо, что может быть яснее слов Апостола: "Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут" (1Кор.15:22), "мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем". (1Фесс.4:16,17)? Или что может быть яснее слов Спасителя: "наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут", "и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло - в воскресение осуждения" (Иоан.5:25, 29). Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день" (Иоан.6:40). Но подобных мест так много, и все они так ясны, что и перечислять их нет надобности. И кто же это говорит? Это сын Божий, Которого слова и обетования так верны, что скорее прейдет небо и земля, нежели прейдет одна йота, или одна черта из закона Его. Это всемогущий Чудотворец, Который, во время земной жизни Своей, не только исцелял больных, укрощал бури и ветры, изгонял бесов, но и воскрешал мертвых. Это

величайший Пророк, Который, что ни предсказал, все то исполнилось в свое время со всею точностью и полнотой: можно ли после этого даже подумать, чтобы только это одно пророчество Его, — пророчество о нашем воскресении, — не исполнилось? А если все еще невероятным кажется неверующим, что Бог воскрешает мертвых: то пусть они спросят самих мертвецов, которые встали из гробов своих. Вот перед ними юный сын Сарептской вдовицы, воскрешенный пророком Илиею, вот сын вдовы Соманитянки, воскрешенный пророком Елисеем, вот юный сын вдовы Наинской, вот дочь Иаира, четверодневный Лазарь, уже смердевший, воскрешенные Спасителем, вот Евтих, воскрешенный Ап. Павлом, девица Тавифа, вставшая по слову Ап. Петра: пусть спросят всех их, — и все они единогласно скажут: "Мы были мертвы, и вот, по слову Божию, мы ожили..." А сколько гробов отверзлось, сколько умерших восстало, когда Спаситель, возопив гласом велиим, испусти дух!... Сколько и по вознесении Иисуса Христа на небо и по кончине св. Апостолов было подобных явлений! Один еретик во дни препод. Макария проповедывал, что воскресения мертвых не будет. Преподобный повел еретика на кладбище и здесь воззвал по имени к одному брату, недавно погребенному, и почивший тотчас же отозвался на зов святого, и, по открытии могилы, нашли его ожившим. В его же время одна вдова безутешно плакала по смерти мужа своего, который умер, не сказав, куда он положил чужие деньги, которые у нее требовали. Преподобный спросил мертвеца, куда он положил чужие деньги, — и мертвец, дав ответ, как живой, опять уснул сном смерти. Вот еще что благочестивое предание рассказывает о св. Донате: одна вдова жаловалась ему на то, что заимодавец, которому муж ее, уже умерший, был должен, и долг уже уплатил при жизни, только не взял от него расписки, не позволяет похоронить мужа, доказывая, будто долг им еще не уплачен. Святитель, коснувшийся мертвеца рукой, сказал: "Послушай", и мертвый, открыв глаза, сказал: "Вот я, владыко". Святитель рассказал ему о заимодавце. Мертвый сел и, грозно взглянув на лжеца, сказал, когда и где он отдал ему долг; потом потребовал от него записку, разорвал ее и сказал: "Хорошо, что ты, праведный муж, разбудил меня на обличение грешника; вели же мне опять уснуть", и по слову святого, опять лег и почил. Подобные сведения можно читать в жизни св. Севира пресвитера, преп. Патермуфия, преп. Марка и Феофила Печерских и проч. Итак, что же без меры плакать о разлуке с близкими и родными, видя, что тело их возвращается в землю, откуда оно взято, и там предается тлению? Пусть оно предается тлению, чтобы тленное сие облеклось в нетление, и мертвенное сие облеклось в бессмертие; пусть оно сеется не в честь, чтобы востало в славе; сеется в немощи, чтобы востало в силе; сеется тело душевное, чтобы востало телом духовным. Для нас, конечно, не понятно, как оно может воскреснуть, когда оно все превратилось в тление, или даже стало пищею червей. Но спрашивали об этом еще Апостола, и вот что он сказал на это: "Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно... но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело" (1Кор.15:36-38). А плачет ли земледелец, когда бросает зерно в землю и видит, что оно там предается гниению? Нет. Он заплакал бы тогда, если бы зерно, брошенное им в землю, не согнило, заплакал бы потому, что если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно (Иоан.12:24). Нет, он радуется, когда брошенное им зерно предается гниению, радуется потому, что знает: если умрет, то принесет много плода (Иоан.12:24). Зачем без меры плакать и о душе, когда она по разлучении с телом, возвращается к Богу, Который дал ее? Худо ли ей у Бога? О, если и престолы царей земных окружают радость и блаженство, то чего не достает для счастья и

блаженства подле престола Царя Небесного?... Какая страна счастливее той, где не голодны, не жаждут, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, а только жизнь бесконечная, жизнь, исполненная светлых радостей, высоких, чистых наслаждений? Что может быть лучше того града, который уготован так прекрасно, как невеста для мужа своего, где нет ни одной слезы, где не знают смерти, где не слышно ни плача, ни вопля, ни болезни, а напротив, везде только радости, и радости столь прочные, что их отнять никто не может, радости столь великие, что не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1Кор.2:9). Понятны после этого воззвания св. Давида: "Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни. Блаженны живущие в доме Твоем" (Пс.83:2,3; 5), "Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!" (Пс.41:3) Понятны воззвания Ап. Павла: "Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?" (Рим.7:24), имеющего желание быть со Христом (Фил.1:23). Понятны слова и мужа апостольского, св. Игнатия Богоносца, осужденного на страдания: "Прекрасно мне закатиться от мира к Богу, чтобы в Нем мне воссиять... Пустите меня к чистому свету: явившись туда, я буду человеком Божиим". Понятны та светлость лица, тот мирный, радостный взор, та сладкая, неземная улыбка, с которыми многие святые расставались со здешним миром. Весело было, например, преподобному Пафнутию Боровскому лежать на смертном одре и в ожидании блаженной кончины петь погребальные песни до той самой минуты, пока смерть не сомкнула уст его. Весело было Афанасию Афонскому сомкнуть глаза навеки с последними словами радости: "Слава Тебе, Боже, слава Тебе, Боже!" Весело было преподобному Даниилу Столпнику приветствовать пришедших за ним пророков, Апостолов, мучеников и других святых, и преподобному Нифонту зреть в минуту кончины не только всех небожителей, но и Самую Пречистую Матерь Божию. Весело было и преподобному Макарию Египетскому расстаться с жизнью в присутствии Ангелов и сказать: "Господи! В руки Твои предаю дух мой". Как им было не радоваться? Кончились для них дни в месте плача и воздыханий и открывается обитель света и радости; кончилось время, наступает вечность; кончились подвиги и труды, предлежат венцы и награды; кончилась брань, наступает мир... Но увы, увы!... Только что блеснула светлая радость при взгляде на смерть праведников и при воображении небесных радостей, а бедное сердце опять стесняется скорбью, а горькие слезы опять струятся из глаз... О, если бы за гробом был только рай со своими радостями!... Не о чем было бы плакать тогда, не о чем вздыхать. Но как не вздохнуть, как не выронить слезы при разлуке с близким, когда вспомнишь, что смерть грешника люта, что за гробом есть не только рай, но и ад со своими мучениями, есть место, где все темно, хоть и горит никогда несгораемый огонь для мучения грешников, где много слез, хоть они и не могут не только угасить, но и прохладить огня гееннского, где слышны только вопли отчаяния да скрежет зубов?... Что, если близкий мой там, где смерти ищут как отрады, и не находят! А мудрено ли это, когда в светлые обители Отца Небесного не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни (Откр.21:27). А между тем, никто не чист от скверны, даже если один день жизни его на земле. Мудрено ли это, когда там, на страшном суде, будут некоторые взывать: "Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?" (Матф.7:22), и, не смотря на то, услышать грозный ответ: "Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие", потому что "не всякий, говорящий Мне:

"Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного" (Матф.7:21; 23)!..." Ах!... Как не вздохнуть от сердца о судьбе родного, удалившегося туда, откуда никто не приходит с вестью, когда вспомнишь слова Апостола: "если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?" (1Пет.4:18) Да, подобные мысли могут сильно возмутить душу при воспоминании об умерших, близких сердцу. Сами даже Апостолы, когда Господь сказал им: "удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие" (Матф.19:24), сами даже Апостолы в недоумении спрашивали: "так кто же может спастись?" (Матф.19:25) Но тут и ответ Господа, тут и отрада для сердца: "человекам это невозможно, Богу же все возможно" (Матф.19:26). Итак, да не смущают сердце наше и эти горькие мысли! Приведем на память неизреченное милосердие Божие и дух наш успокоится; припомним некоторые черты из жизни усопшего, с которым мы расстаемся, и горесть наша усладится. Поясним состояние, в каком находятся почившие от минуты смерти до минуты страшного суда Божия, и вздохи наши будут легче... Кто измерит бездну милосердия Божия? Мы, будучи злы, и то умеем даяния благие давать нашим: есть ли между нами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? (Матф.7:9-11) Что же сказать об Отце Небесном, Который весь — есть любовь? Какая любовь может быть горячее, как не любовь матери к своему детищу? Но любовь к нам Отца Небесного еще выше, еще пламеннее материнской любви. Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя. (Ис.49:15) Вот уже с лишком семь тысяч лет мир стоит, и семь тысяч лет ото дня падения Адама до наших дней неумолчно гремит над землею один глас небесной любви: "не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был" (Иез.33:11). С судом праведным является Бог в раю, по падении Адама: но и в самом суде правды Его не сияет ли во всем величии небесная любовь? Он с любовью вопрошает Адама и жену его о причине падения, и тогда уже, когда ни тот, ни другая не хотели вполне сознать пред Ним своей вины, тогда уже только определяет им суд и наказание, и притом как?... Это нежный Отец, сквозь слезы, так сказать, учащающий раны любимым детям своим; это Отец, который левою рукою своею бросает на землю проклятие, а правою указывает уже на благословение. Гневен Бог в Содоме и Гоморре, но и здесь "сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!" (Лук.13:34) Небесная любовь соглашается пощадить город сначала для пятидесяти праведников, потом для сорока пяти, потом для тридцати и, наконец, даже для десяти, — и, когда уже и десяти праведников не нашлось в целом городе, только тогда уже пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь (Быт.19:24). Ниневия оскорбила Бога: правда Божия хочет наказать грешный город, а любовь Божия хочет помиловать и посылает к грешникам пророка Иону, возвестить им, что через три дня Господь посетит Ниневию гневом Своим, если не покаются; но когда Ниневитяне покались, тогда и Бог пожалел о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел (Ион.3:10). Но кто исчислит все милости Божии к человеку-грешнику?... Законы, пророки, знамения и чудеса, явления природы, и грозные и благодетельные, — что такое, как не выражения любви Его к человеку? И нужно ли все это исчислять, когда все знают, что так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную (Иоан.3:16). Не посла Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы спасти Им мир. И вся жизнь, все дела и слова Единородного Сына Божия суть

непререкаемые доказательства бесконечной любви Его к роду человеческому. Прочитайте со вниманием притчу Его об одной из ста, потерянной овце, или об одной из десяти, потерянной драхме, или притчу о блудном сыне, и вы поймете, как дорог для Него человек, поймете, что точно не только душа, не только тело, но и самый волос на голове его в счету у Него...

Вопросите смиренного мытаря, спросите блудницу, омывшую ноги Спасителя миром и слезами, спросите всех мытарей и грешников, с которыми Он делил и беседы, и пищу, и питье. Спросите самарян, на которых Апостолы хотели низвести огонь с неба. И все они в один голос должны сказать: "Он благ, пришел призвать не праведных, но грешных к покаянию, пришел не судить мир, но спасти Собой мир". А взойдите еще на Голгофу, и там уже не будет вам никакой нужды спрашивать о величии любви Сына Божия к грешнику... Тут Сам Он самым делом оправдывает слова Свои: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Иоан.15:13). Тут каждая язва на теле Спасителя, каждая капля крови, каждый вздох, вылетевший из груди Его, — все, все говорит о бесконечной любви Его к грешнику... Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих... О, безмерная любовь Божия! Где-ж друзья твои, за которых Ты полагаешь душу Свою?... Какие друзья окружают Тебя? Это ли друг Твой, который дает Тебе святотатственное лобзание? Это ли друзья Твои, которые осыпают Тебя заплеваниями, заушениями, ранами, осуждают на смерть, распинают на кресте?... Это ли друзья Твои, на которых небо не может смотреть и закрывает ясные очи свои, которых земля не может держать, и трепещет от тяжести грехов их?... А Ты и за них, неизреченная Любовь, и за них взываешь со креста к Отцу Своему небесному: "Отче! прости им, ибо не знают, что делают..." (Лук.23:34) Кто же, повторяю, измерит бездну любви и милосердия Божия к человеку-грешнику?... Итак, опустив в землю родного, или близкого нам, прольем о нем слезы, как о грешнике, но, в то же время, вверим его милосердию Божию, вспомнив, что и этот грешник дорог был для Господа, что и за него принесена умиловительная жертва на кресте, что и за него пролита на Голгофе бесценная кровь, и скажем с Апостолом: "Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?" (Рим.8:31,32)

Проливая слезы над прахом близкого нам, припомним некоторые черты из жизни его: Он был грешник, но он веровал в Сына Божия, пролившего кровь Свою для искупления мира, а верующий в Него не будет осужден, и Бог послал в мир Сына Своего именно для того, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную (Иоан.3:15). Был грешник; но сподобился святого таинства крещения, а это таинство — дверь в Царствие Божие. Был грешник; но, может быть, всегда твердо исповедывал имя Христово; может быть, не раз смеялись над ним, когда он, например, молился, издевались, когда посты соблюдал; ложно толковали о нем, когда он святые места посещал по чистому усердию благочестивого сердца, а он не переставал молиться и поститься, как бы не слыша никаких оскорблений, не видя никаких насмешек, — а таким обещана великая награда на небесах (Лук.6:23). Был грешник; но, может быть, в жизни своей не раз удавалось ему прощать ближних своих, а сказано: если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный (Матф.6:14). Был грешник; но, может быть, не любил фарисейской гордости, а лобызал мытарево смирение: а кто умалится, как ... дитя, тот и больше в Царстве Небесном (Матф.18:4). Был грешник; но, может быть, был незлобив и отличался боголюбезною кротостью: а кроткие ... наследуют землю (Матф.5:5). Был грешник; но, может быть, был милостив к бедным, а милостивые ... помилованы будут (Матф.5:7); может быть, любил принимать к себе

странников, навещать и назидать узников, посещать больных, а таких पहले всех призывает Господь в царство Свое; и чаша воды, поданная вовремя жаждущему во имя Христово, забыта у Него не будет. Был грешник; но, может быть, любил быть в мире со всеми, миротворить враждующих друг с другом, а такие миротворцы ... будут наречены сынами Божиими (Матф.5:9). Был грешник; но, конечно, не раз в жизни каялся и каялся с сокрушенным сердцем о грехах своих, и не раз служитель алтаря молился о прощении грехов его и разрешал от них по данной ему власти: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе (Матф.18:18). О, невольно сердце забьется от радости, невольно взор увлажнится слезою умиления и благодарности, когда вспомнишь то преимущество христиан, по которому все грехи наши, если только они исповедуются с сокрушенным сердцем перед служителем алтаря Господня и разрешаются им, — изглаждаются и там на веки; и напротив, каждое доброе дело наше, каждая слеза молитвы, каждый вздох сокрушения, каждая добрая, благочестивая мысль — все это неизгладимо печатлется в книге Судеб Божиих для нашего оправдания!... Вот что для нас приобрели бесценные заслуги Христовы! Без этого — как ни обширна геенна, а и она кажется, была бы тесна для всех...

Был грешник; но, конечно, не раз в жизни со страхом и верою приступал к принятию святых Таин Христовых; а ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную (Иоан.6:54). Был грешник; но, может быть, в последний раз принес искреннее, чистосердечное покаяние во грехах, в последний раз с полною верою и несомненной надеждой приступил к Чаше Господней, в последний раз удостоился принять св. елеопомазание, — таинство, о котором святой Апостол так выразился: "если он соделал грехи, простятся ему" (Иак.5:15). А как важны и дороги для нас последние минуты нашей жизни! Сам Господь обещал дать по динарию и тем, которые придут не только в первый, а и в одиннадцатый час; обещал и обещание Свое оправдал самым делом, когда даже разбойнику, висевшему на кресте и от сердца сказавшему Ему: "Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! — рек, — ныне же будешь со Мною в раю" (Лук.23:42,43)". Все это столько проливает в сердце отрады и утешения!... А посмотрите еще внимательнее на трогательный обряд погребения, прислушайтесь к тем молитвам и песнопениям св. Церкви, с какими она провожает усопшего вашего в могилу... Она возлагает на чело усопшего венец с изображением Иисуса Христа, Пречистой Его Матери и св. Иоанна Предтечи, и с надписанием трисвятой песни, как знак того, что тут, во гробе, почивает воин Христов, оставивший поприще подвигов с честью, и за то предлежит ему венец правды по милосердию Божию, по ходатайству Пречистой Матери Божией и св. Иоанна Предтечи Христова. Она вокруг тела усопшего многократно совершает каждение фимиамом, как знак того, что душа усопшего, подобно фимиаму, восходит на небо, и что молитвы Церкви о нем приятны для Бога. Она оглашает гроб трисвятою песнею, в знак того, что усопший, исповедовавший Пресвятую Троицу, теперь переходит в царство духов, неумолчно воспевающих Богу трисвятую песнь. Она возжигает вокруг гроба свечи, как знак торжества и светлой радости о том, что усопший брат наш возвращается к Неприступному Свету. Она устами служителя своего читает разрешительную молитву, в которой просит у Господа усопшему отпущения всех грехов его, и влагает ее в руки ему, как знак того, что Церковь в мире с ним, влагает ту грамоту, которую с такою радостью св. благоверный великий князь

Александр Невский, лежа во гробе бездыханный, взял, как живой, из рук архипастыря.

Она заповедует, чтобы во время литургии заупокойной стояла во храме чаша с пшеном вареным и подслащенным. Зачем это пшено? Для нашего утешения. Оно говорит нам: как зерно, брошенное в землю, сгнивает и потом снова оживает, так и тело почившего, после истления снова встанет. Зачем это подслащение? Опять для нашего утешения. Оно говорит, что это тело некогда встанет, и встанет для лучшей и приятнейшей жизни, нежели какова жизнь настоящая. Сколько же отрады и утешения проливает в сердце и сама Церковь святая, когда мы проливаем слезы, стоя у гроба!... Но не только Церковь, а и само кладбище христиан православных немало дает нам утешения, скорбящий брат мой. Вот могила твоего близкого родного: ты видишь перед собою водруженный в нее крест, видишь Распятого на нем, видишь и пречистые руки Его, простертые на кресте, и верующее сердце твое скажет тебе: так вот кто хранит родного моего в могиле!... Это Сам Христос Спаситель, Который Своею пречистою кровью омыл наши скверны греховные и Своею смертью победил нашу смерть, да живот вечный обретем... Так вот Кто обеими руками, распростертыми на кресте, благословляет моего родного в могиле и в то же время ходатайствует за него перед Отцем Своим Небесным!... Это Тот, Кто в последние дни земной жизни Своей говорил в утешение Апостолам: "В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я" (Иоан.14:2,3); Это Тот, Кто в последние дни земной жизни Своей молился Отцу Своему Небесному: "Отче Праведный! ... Не о них (Апостолах) же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, [так] и они да будут в Нас едино" (Иоан.17:20,21), а во время вознесения на небо воздвиг руке Свои и благословил Апостолов... Апостолы поклонились Господу, благословившему их, и возвратились в Иерусалим с великою радостью. Поклонись и ты, скорбящий брат мой, пред животворящим крестом, осеняющим могилу твоего родного, и иди в дом твой с миром и утешением: под такую всемогущую охрану не страшно, под таким всепрощающим благословением не тяжело лежать родному твоему в могиле.

Поясним теперь, сколько можем, то состояние в каком находятся усопшие от минуты смерти до минуты страшного суда Божия.

Итак, что же бывает с душою после разлуки ее с телом? Об этом мог бы сказать Лазарь, или сын вдовы Наинской, или дочь Иаира, воскрешенные Спасителем. Могли бы сказать и другие мертвецы, воззванные опять от смерти к жизни. Мог бы, например, сказать преподобный Афанасий Печерский, на третий день вставший из гроба; но из них никто, никто о том ничего не сказал. Сколько ни просили преподобного Афанасия открыть что-нибудь о жизни за гробом, он ничего не сказал, а заметил только: "Если я вам скажу, вы не поверите мне и не послушаете меня. Кайтесь каждый час, и молитесь... и больше не спрашивайте меня ни о чем... Простите меня", — заметил он, и затворился в пещере, где провел еще двенадцать лет. Итак, нет нам вести оттуда: небо высоко, оттуда не слышно; могила и близка, да молчалива. А как бы нам хотелось узнать что-нибудь о состоянии усопших, и как, может быть, и некоторые из них желали бы нам поведать о своей участи за гробом! Но пусть и мы хотим, пусть и они желают, но ни они передать нам, ни мы принять от них всех подробностей той жизни никак не можем, потому что мы живем под такими

условиями, которые для них не существуют, каковы, например, время и место; а они живут под своими условиями, которые для нас непостижимы. Как вы объясните младенцу, едва умеющему различать правую руку свою от левой, как объясните ему, что такое, например, земля, что такое воздух и т. д.? Сколько ни объясняйте ему, он ничего не поймет, потому что все это пока выше его понятий, и вы сами, как ни хорошо знали бы то, что хотели бы сообщить ему, не в состоянии были бы высказать ему что-нибудь по его силам, ясно и вразумительно. Мы объясняем большей частью посредством примеров, сравнений и т.п. Но с чем вещественным сравнить духовное, с какими годами сравнить вечность?... Вот почему, между прочим, усопшие ничего не могут сообщить нам о себе! Они не могут передать нам вразумительно для наших понятий, да и мы, если бы они стали передавать нам, не могли бы понять того, что бы они нам сообщали.

Вот почему и св. Апостол Павел говорил о себе: "Знаю человека во Христе, который ... (в теле ли, не знаю, вне ли тела - не знаю, Бог знает) восхищен был до третьего неба ... и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать" (2Кор.12:2-4). Вот почему и Сам Христос сказал Никодиму: "Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, - как поверите, если буду говорить вам о небесном?" (Иоан.3:12) Впрочем, как ни непостижимы для нас тайны жизни загробной, но то, что нужно нам знать, то открыто для нас. Вместо усопших говорит нам о них св. Церковь, говорят о них св. отцы и учителя Церкви; а были даже случаи, когда и сами усопшие отверзали уста свои, чтобы высказать нечто живым о себе и о своей участи за гробом. Итак, вот что говорит о жизни за гробом св. православная Церковь: Души, исшедшие от телес человек, при смерти покаявшихся, но не сотворивших плодов, достойных покаяния, удержаны бывают на мытарствах. Но прежде последнего суда ни праведные, ни грешные не получают совершенного воздаяния, хотя и не все души находятся в одинаковом состоянии и не в одно и то же место отсылаются; души умерших блаженствуют или мучатся по своим делам. Разлучившись с телами они тотчас переходят или к радости, или к печали и скорби, впрочем, не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения. Ибо совершенное блаженство или совершенное мучение каждый получит по общем воскресении, когда душа соединится с телом, в котором жила добродетельно или порочно. Вот что сказали о состоянии душ усопших ангелы преподобному Макарию Александрийскому: "В продолжении двух дней по смерти тела, душе позволено вместе с находящимися при ней ангелами оставаться на земле, где хочет. Почему душа, любящая свое тело, скитается иногда около дома, в котором разлучилась с телом, иногда около гроба, в котором положено тело, и так проводит два дня, как птица, ища гнезда себе. А добродетельная душа посещает те места, в которых имела обыкновение творить правду. В третий день Спаситель повелевает вознести ее на небеса для поклонения Богу. Вот почему в третий день Церковь совершает приношение и молитву за нее.

После поклонения Богу повелевается от Него показать душе различные обители святых и красоту райскую. Душа все это рассматривает шесть дней, удивляясь и прославляя Создателя всего — Бога... Душа грешная, при виде наслаждений святых, начинает скорбеть и укорять себя за то, что она сама себя лишила такого блаженства. После этого она опять возносится ангелами на поклонение Богу. Вот почему Церковь воспоминает усопших в девятый день.

После вторичного поклонения Богу она, по повелению Божию, отводится в ад, чтобы видеть находящиеся там места мучения. По сим различным местам она носится тридцать дней, трепеща, чтобы и самой не подпасть осуждению на заключение в оных. В сороковой день она опять возносится на поклонение Богу, и тогда уже праведный Судия определяет ей соответственное делам ее место. Вот почему в сороковой день Церковь поминает усопших". Вот что сообщила о жизни загробной ученику преподобного Василия Нового, Григорию, преподобная Феодора, явившись ему по смерти своей в сонном видении: "Душа, разлучившись с телом, смотрит на него, как человек смотрит на сброшенную с себя одежду; потом она проходит различные мытарства, на которых истязаются различные грехи ее; таких мытарств число простирается до двадцати, по числу главных родов греха". А святой Кирилл Александрийский подробно описывает мытарства, или такое состояние, в которое душа сразу по смерти тела вступает, и здесь задерживается и страдает, не зная, что с нею будет. Тот же святой отец подробно описывает и то живое участие, какое принимают в этом деле ангелы, добрые и злые. Преподобный Зосима Соловецкий в десятый день после кончины своей явился ученику своему Даниилу и сказал, что он уже прошел мытарства и вошел в лик преподобных. А преподобная Афанасия явилась вскоре после кончины своей в сонном видении настоятельнице монастыря, где и она подвизалась, и объявила ей: "Знай, что после сорока дней я получу уготованное место от Бога". Преподобный Антоний Великий, будучи в духе, чувствовал себя как бы несомым по воздуху и видел, будто ангелы несли его по воздуху на небо, а демоны противились им, выдумывая на него различные клеветы; но когда их посрамили, путь на небо сделался свободен и Антоний пришел тогда в естественное состояние. Преподобный Нифонт видел в духе, как души разлучаются с телами, как ангелы по воздуху несли душу праведную, как задерживали ее на пути силы темные, находившие в ней некоторые грехи: слышал, как ангелы спрашивали у ангела-хранителя души, точно ли она сделала те грехи, в которых обвиняли ее духи злобные, и как ангел отвечал, что она точно сделала эти грехи, но омыла их слезами покаяния, и тогда ангелы изрекли следующие, отрадные для кающихся грешников, слова: "Все грешники, исповедующие грехи свои со слезами, по милости Божией могут получить прощение, а без покаяния умерших судить будет Бог". Видел он также, с какой адской радостью нечистые духи влекли в геенну ожесточенного грешника, умершего без покаяния, и какими горькими при этом слезами обливался ангел-хранитель. Вот еще слова отцов Церкви: святого Иринея: "Души умерших Христиан пребывают в невидимом месте до всеобщего воскресения; по воскресении же тела приступят к созерцанию лица Божия". Святого Григория Богослова: "Всякая душа добрая и боголюбивая, как скоро, по разрешении от сопряженного с нею тела, освободится отселе, — приходит в состояние чувствовать и созерцать ожидающее ее благо, а по очищении, или отложении (или еще не знаю, как и выразить) того, что ее омрачало, — наслаждается чудным каким-то наслаждением, веселится и радостно шествует к своему Владыке". Святого Афанасия Великого: "Самая радость, которую теперь ощущают души святых, есть наслаждение частное, как и печаль грешников есть наказание частное. И как, когда царь призывает друзей своих, чтобы разделить с ними трапезу, равно и осужденных, чтобы наказать их, званые на вечерю даже до часа вечера пребывают в радости пред домом царя, и осужденные, быв заключены в темнице, доколе не придет царь, предаются печали: так должно думать и о душах праведников и грешников, ныне переселившихся туда от нас". Святого Амвросия Медиоланского: "Пока ожидается исполнение времени, души (усопших)

ожидают себе должного воздаяния. Одних ожидает наказание, других награда, и однако же ни те не остаются без страдания, ни эти без наслаждения". Если возьмем во внимание молитвы и песнопения святой Церкви, то также увидим в них подтверждение той мысли, что душа, тотчас по разлучении с телом, начинает проходить воздушные мытарства при живом участии ангелов, как добрых, так и злых. Вот, например, как она об этом говорит:

"Да покрывает срам и студ студная и мрачная лица вражия, егда смиренная моя душа от тела распрягается: туюжде да покрывают, наставниче мой, светлая твоя и пресвященная крила. Молю тя, хранителя моего, буди ми защитник и поборник непоборим, егда прехожду мытарства лютаго миродержца" и т.д (Канон Ангелу хранителю). Итак, сколь, повидимому, ни различны сказания о состоянии усопших, а все в них заключается одна главная мысль, та именно, что каждая душа по разлучении с телом тотчас истязуется или подвергается частному суду, проходя воздушное пространство, и потом уже, по определению Божию, получает приличное по своим заслугам место, где и остается до всеобщего, страшного суда, не слыша еще доселе решительного, неизменного для себя приговора, который бы навсегда определил участь ее. Следовательно, усопшие походят на узников, которые, содержась под стражею, ожидают себе решительного приговора. Что же у нас бывает на земле с людьми, содержащимися под стражей? Все ли они терпят одинаково горькую участь? О, нет... Сколько родов преступлений, столько же почти родов состояния преступников. Безотрадн участь уголовных и закоснелых преступников: они, терпя несравненно более других, нередко с отчаянием и ожесточением ждут себе смерти, которой угрожает им приговор. Не так безотрадн, не так горька участь других, менее виновных преступников, и чем меньше их вина, тем чище их совесть и тем лучше их положение: они живут уже не отчаянием, а сладкою надеждою на милость, которую и получают. Подобным образом и все усопшие там, в загробной жизни, как преступники, как бы содержатся под стражей до всеобщего суда и, смотря по степени преуспевания их в добре или зле, и участь имеют более отрадн или более горькую. И там, как и здесь, для некоторых уже окончилась мера долготерпения и милосердия Божия; они, зная свою горькую участь и страдая, то от угрызения совести, то от страха предстоящих им страшных мучений, то от общения с ужасными силами адскими, блюдутся для вечного наказания; это нераскаянные, ожесточенные грешники, это люди, о которых Спаситель сказал: "кто скажет хулу на Святаго Духа, тому не простится" (Лук.12:10); это люди, неспособные даже к получению милости Божией; они еще в земной жизни погасили уже в себе дух Христов, и потому им и там не может быть части со Святыми; они подобны тому зерну, брошенному в землю, которое еще в житнице потеряло силу растительной жизни: орошайте его сколько угодно водою, открывайте влиянию животворного солнца, оно никогда не возникнет из земли, никогда не разовьется: оно умерло, и умерло навсегда.

Но есть там и другие узники, для которых милость Божия светит и за мраком могильным, это верующие в Иисуса Христа и умершие с покаянием; это люди, в душе которых, как на ниве, росли вместе и пшеница и плевелы. Они, чувствуя угрызения совести за свои грехи и страшась мучений, предлежащих за оные, в то же время услаждаются той отрадн мыслью, что Господь помог им во время земной жизни и добро творить, за которое они теперь с радостью ждут себе полной награды, утешаются и тем, что не так далеко от них светлые ангелы, и не так близко к ним мрачные демоны. Правда, для них нет там таинства

покаяния, которым заглаждаются грехи, и, следовательно, нет собственных способов смыть те греховные скверны, которые не могут быть терпимы в царстве чистоты и правды; но чего они не могут сделать для себя, то мы, живые, можем сделать для них; можем сделать, чтобы Господь простил им и остальные грехи и удостоил их вечного блаженства. Какие же для этого есть средства у нас? Это:

Во-первых, молитва о них, соединенная с верою. Сам Спаситель наш сказал: "Все, чего ни попросите в молитве с верою, получите" (Матф.21:22). И чего он не делал одним по вере и молитве других? За что Он исцелил раба сотника, как не за веру его господина, или дочь жены Хананейской освободил от мучений дьявола, как не за веру ее матери? За что расслабленному отпустил грехи и исцелил, как не за веру тех, которые принесли его к Нему? Так действовал Он во дни земной своей жизни; так действует и доселе: ибо Он вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр.13:8). Знали эту истину еще в Ветхом Завете, и живые молились об умерших. На молитву об умерших, как на благодетельное для них средство, указывали многие отцы и учителя Церкви. "Когда в церкви произносят имена усопших, — говорит св. Епифаний Кипрский, — то что сего полезнее?... Молитвы, совершаемые об умерших, приносят им пользу, хотя и не заглаждают всех преступлений". "Как св. Церковь научает нас о путешествующих братьях молиться с верою и упованием, что совершаемые о них молитвы полезны им: так надобно разуметь и о молитвах, совершаемых об отшедших от мира сего". "Для умерших благодетельны поминовения — говорит св. Ефрем Сирин. — Смотрите, вот и пример сему представляют некоторые творения Божии, как то виноград — его зреющие гроздья в поле и выдавленное вино в сосудах. Когда созреют ягоды на виноградной лозе, тогда вино, стоящее в доме неподвижно, начинает пениться и волноваться, как бы желая убежать. То же бывает, кажется, и с растением-луком, ибо как скоро начнет созревать лук, посаженный в поле, в то же время дает отпрыски и лук, находящийся в доме. И так, если и растения имеют между собою такое соощущение, то не более ли для умерших ощутительны молитвенные приношения".

Второе средство помогать усопшим состоит в подавании за упокой их милостыни и в различных пожертвованиях для храмов Божиих; первое — как потому, что милостыня, подаваемая бедным, приемлется Самим Спасителем, так и потому, что бедные, получив милостыню, без сомнения, не оставят в молитве помянуть того, в чью память они получили подаяние и помощь; второе — потому, что отдается в жертву непосредственно Самому Богу. Вот что говорил св. Иоанн Златоуст родителю богачу, потерявшему сына, единственного наследника имени своего: "Если варвары сожигают с умершими их имущество, то, тем более, ты должен отослать вместе с умершим принадлежащее ему имущество, дабы оно облекло умершего в большую славу, дабы, если он отошел отсюда грешным, разрешило его от грехов, а если праведным, увеличило его награду и воздаяние". "Если мы хотим облегчить мучения грешника, — говорит тот же св. отец, — то будем творить чистые о нем молитвы, будем давать милостыню, и, хотя он и не достоин, Господь сжалится над ним... Не о гробах, не о погребальных церемониях надо заботиться. Поставь вокруг гроба вдовиц, вот лучшее погребальное торжество! Поведай имя его, повели всем творить о нем мольбы и моления и сие умилоустит Бога". "Кто творит приношение за умершего, — говорит св. Афанасий Великий, — тот ту же самую имеет цель, которую имеет и отец, у которого дитя юно и совершенно бессильно. Если дитяти случится страдать от болезни, то отец его с верою

приносит в Божий храм свечи, ладан и елей для сожжения об исцелении дитяти от болезни. Дитя не сам оный держит и приносит... Так должно думать и об умерших в Бозе и держать и приносить свечи и елей, и все то, что служит к его искуплению, и благодать Божия не отступит от намерения веры".

Наконец, третье, самое важное и сильное средство облегчить участь усопших, есть совершение за упокой их бескровной жертвы. Здесь частицы, взимаемые за упокой усопшего, погружаются в спасительную кровь Христову, а она, эта святейшая кровь, очищает нас от всякого греха. Здесь, пред престолом милосердия Божия, в присутствии и при содействии архангелов и ангелов, херувимов и серафимов, служитель алтаря, облеченный силою свыше, просит милости Божией тем, за упокой которых приносится страшная Тайна. Здесь Сам Господь Иисус Христос, Который в это время есть приносяй и приносимый, таинственно нисходит с неба, закаляется на св. жертвеннике, и тем ходатайствует пред Отцем Своим о прощении грехов усопшему. О, что же может быть выше и могущественнее сего ходатайства! Вот почему с особенной силой указывают на средство это св. отцы и учителя Церкви.

"Если бы какой царь послал досадивших ему в ссылку, — говорит св. Кирилл Иерусалимский, — а их ближние потом, сплетши венец, принесли ему оный за терпящих наказание, то не сделал ли бы он им облегчение наказания? Таким образом и мы за усопших, если они и грешники, принося Богу молитвы, не венец сплетаем, но Христа, закланного за наши согрешения, приносим, умиловывая за них и за нас человеколюбца Бога. Величайшая будет польза душам тех, о ком возносится моление в то время, когда предлежит святая и страшная жертва". "Не напрасно узаконено Апостолами, — говорит св. Иоанн Златоуст, — творить пред страшными Тайнами поминовение об усопших: они знали, что великая бывает от сего польза для усопших, великое благодеяние. Когда весь народ и священный собор стоят с простертыми к небу руками и когда предлежит страшная жертва, то как не умиловывим мы Бога? Но это о тех только, которые в вере умерли". "Как бывает, — говорит св. Афанасий, — с заключенным в сосуде вином, которое, когда цветет виноград в поле, слышит запах, и цветет вместе с ним, так думай и о душах грешников: они получают некоторое благодеяние от приносимой за них бескровной жертвы и благоговения, как знает и повелевает единый Владыка живых и мертвых, Бог наш". Но не исчисляя всех свидетельств св. отцов и учителей Церкви о том, какую пользу приносят усопшим молитвы, литургии и милостыни, (потому что их слишком много), не скроем, однако же, и тех возражений, какие обыкновенно делают касательно молитв за усопших. Например, говорят: если молитвы за усопших так полезны для них, то от чего же в священном Писании нет прямого указания на то, что должно молиться за усопших? Но разве можно требовать от св. Писания, чтобы оно непременно давало нам правило на всякий случай, на всякое доброе дело? Вспомним слова апостольские: если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг (Иоан.21:25). И если нет в священном Писании прямой, решительной заповеди молиться за умерших, то нет ведь там и запрещения на то, а этого уже и довольно для нас, чтобы молиться за них. А, впрочем, вот что говорит Апостол Иаков: "молитесь друг за друга, чтобы исцелиться" (Иак.5:16). Тут не обозначает он ни места, ни времени, ни других обстоятельств молитвы, и тем самым, очевидно, вменяет нам в непременную обязанность молиться за ближних вообще, не только за тех, которые живут с нами на земле, но и за тех, которые переселились отсюда в другой мир, мир загробный, тем более, что не только мы, живущие,

но и все умершие для Бога живы суть. Вот что говорит и Сам Спаситель: "Кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем" (Матф.12:32). Значит, есть грехи такие, которые отпускаются не только в здешней, но и в будущей жизни, а есть и такие грехи, которые не прощаются ни здесь, ни там. Понятны способы, по которым здесь отпускаются нам грехи, это — горячая молитва, соединенная с верою, глубокое раскаяние, добрые дела, некоторые таинства, и преимущественно таинство покаяния: но какие способы для прощения грехов там, за гробом? Там нет никаких таинств, которыми здесь очищается и освящается наша душа, там нет места ни покаянию, ни подвигам нашим, потому что здесь сеяние, а там жатва, и если при всем том для умерших возможно отпущение грехов, то как же оно возможно, если не по молитвам Церкви? Другого способа и представить нельзя. И мы уже видели прежде, что Иуда Маккавей приносил жертву за умерших воинов, и приносил с тою именно целью, да от греха очистятся (2Макк.12:39-45). Но, — продолжают пытливые умы, — что же значит евангельская притча о богатом и Лазаре (Лук.16:19-31)? Тут праведный Авраам прямо и решительно сказал грешному богачу: "между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят" (Лук.16:26). Не следует ли отсюда, что напрасны и молитвы наши за усопших, когда для грешника не возможен там переход из ада в рай, когда оттуда к нам не переходят?...Нет, не следует, и вот почему:

Прежде всего, мы знаем, что Сам Спаситель, по смерти Своей, нисходил душою Своею во ад, яко Бог, чтобы там возвестить победу над грехом и смертью и вывести оттуда ветхозаветных праведников и других, умерших с верою в Него. И потому, если уже был переход из ада в рай, — он, без сомнения, возможен, и возможен особенно стал после того, когда Господь Своею смертью и воскресением разрушил твердыни ада и извел оттуда многих. А невозможен он будет только после всеобщего воскресения и всемирного суда Христова. Потом, кто услышал от Авраама решительный отказ в переходе из ада в рай? Великий грешник, может быть, такой грешник, которому никакая молитва не в состоянии помочь, как не могут помочь и наши молитвы, например, самоубийцам, упорным, нераскаянным еретикам и т.п. Если на небе обителей много (Иоан.14:2), соответственно нравственному состоянию праведников, — то, без сомнения, и в аде есть также свои различные обители, затворы и хранилища душ, тоже в соответствие различному нравственному состоянию грешников. В одних из этих мрачных обителей люди страдают в пламени без всякой надежды на лучшую будущность, как страдают в наших темницах такие преступники, для которых по законам уже невозможно помилование, и которым уже решительно назначена смертная казнь. Но в других обитают люди, хоть и грешные, но умершие с верою и покаянием, как и ветхозаветные праведники, и вот для таких-то людей, как и для ветхозаветных праведников, переход из ада в рай, без сомнения, возможен, и возможен, конечно, не по их каким-нибудь подвигам в жизни загробной, они там невозможны, а, единственно, в силу заслуг Христа Спасителя, и в силу права, дарованного Им Церкви, — права отпускать людям грехи.

Наконец, кто в евангельской притче просит об улучшении жалкой участи бедного богача? Из нее не видно, чтобы молились за него живые, с которыми он некогда каждый день пиршествовал блистательно (Лук.16:19): таким людям, видно, не по сердцу тихая молитва; шумное, буйное веселье — вот чего жаждет их сердце! Нет, не они, а он сам молился за себя,

сам за себя ходатайствовал, а мы так и веруем, что там, за гробом, могут улучшить участь нашего близкого не его собственные там заслуги, не его молитвы, а наши молитвы и милостыни, — и вот еще причина, почему евангельский богач не получил себе удовлетворения. Значит, эта притча вовсе не может служить опровержением православного учения о молитве за умерших: что не возможно было для богача, то возможно для других.

Но что же значат, — еще предлагают вопрос, — слова Апостола, что Бог воздаст каждому по делам его (Рим.2:6), и что на суде Христовом каждый получит [соответственно тому], что он делал, живя в теле, доброе или худое (2Кор.5:10)? Не значат ли они то, что в загробной жизни каждый должен получить себе награду единственно по собственным личным заслугам, какие кто успел оказать на земле, а отнюдь не по молитвам Церкви? На этот вопрос не труден ответ. Никто не спорит и спорить не станет, что собственные подвиги в жизни земной для каждого имеют значение в жизни загробной, но никто не в праве утверждать и того, будто собственные подвиги земные служат единственным средством для получения венцов небесных, иначе что же будут значить заслуги Христа Спасителя, что ходатайства святых и молитвы Церкви как о живых, так и о умерших?... Нет, если мы молимся об усопшем, то молимся потому, что Церковь не только разрешает, но и повелевает за него молиться, как за доброго, верного сына ее, и вот это и составляет уже его заслугу перед Церковью! Молимся потому, что он заслужил нашу любовь, которая собственно и движет наше сердце и уста на молитву за него, и вот это и составляет уже его заслугу перед нами!... Значит и молитва Церкви за усопшего, и молитва за него каждого верующего, все это — его собственная заслуга, которая и дает ему право ожидать улучшения своей участи от наших молитв. Вот как нужно понимать приведенные слова Апостола, иначе, как объяснить, например, то, что Спаситель во дни земной жизни Своей делал добро одним не только по их собственным заслугам или молитвам, а также и по мере веры и молитвы других? Вот слуга сотника болен, и он не просит себе исцеления у Спасителя, а просит за него об этом господин его, и просит, без сомнения, потому, что слуга умел заслужить его любовь своей жизнью; и что же? Милосердный Господь, принимая в уважение как добрую жизнь слуги сотникова, так и горячую веру и молитву господина его, исполняет желание сотника, — и вот слуга выздоравливает (Лук.7:2-10). Подобным образом Господь внимлет и нашим молитвам об усопших, хоть они там и не могут за себя молиться, и по мере веры нашей и молитвы исполняет наше прошение: Он вчера и сегодня и во веки Тот же (вр.13:8). Наконец, еще одно слово пытливого души: вы молитесь об усопших, но кто знает?... быть может, один из них уже в раю, и потому не нуждается в вашей молитве; другой — в такой обители ада, где уже не поможет ему никакая молитва. Итак, не напрасны ли ваши молитвы, когда вы не знаете о действительности и успехе ваших молитв? Что можно на это сказать? Можно и должно сказать вот что: молись о каждом усопшем, кто бы он ни был, праведный или грешный; молись, если только Церковь не запрещает тебе о нем молиться; молись, хоть бы ты и ничего не знал об успехе и действительности твоей молитвы; молись потому, что это — святая заповедь матери твоей Церкви, это — священная, насущная потребность твоего собственного сердца... Если усопший, о котором ты молишься, уже в раю и потому не нуждается в твоей молитве — что за беда? Твоя молитва, конечно, там не повредит ему; напротив, она порадует его и подвигнет его самого ходатайствовать за тебя пред престолом милосердия Божия. Если же усопший, о котором ты молишься, в такой обители ада, где уже невозможно улучшение его участи, то

опять — что за беда? Молитва твоя никак повредить ему не может, а, между тем, он там ее слышит и чувствует, и, может быть, мысль, что есть еще существа, помнящие его, что не всеми еще оставлен он, — эта мысль то же для него в безотрадном положении, что для евангельского богача — капля воды, которой просил он себе, мучась во пламени (Лук.16:24). Твою молитву слышит и Сам Бог, и если по этой молитве Он не облегчит тяжелой участи твоего усопшего, то, по крайней мере, наградит тебя самого, наградит непременно. Он видит, Он знает, что в молитве твоим сердцем и устами движет единственно любовь твоя к ближнему, и какая любовь! Не земная, можно сказать, к которой больше или меньше примешивается какая-нибудь корысть, а чисто христианская, бескорыстная любовь к ближнему, потому что кто же от усопшего станет ожидать себе корысти? А такая ли высокая любовь не заслужит ли тебе награды от Того, Кто Сам — есть любовь (1Иоан.4:8)?... Конечно, заслужит!... Вот и все главнейшие вопросы и недоумения, которые или сами собою возникают в душе при мысли о молитве за усопших, или высказываются неправомыслящими. Здесь уместно представить несколько примеров таких, из которых бы видно было, что и сами умершие свидетельствовали иногда живым, как полезны для них молитвы верующих. Вот что рассказывает, например, св. Григорий Двоеслов: Один пресвитер, имевший обыкновение мыться в теплицах, однажды там нашел незнакомого мужа, который и служил ему там. Так как потом это повторялось несколько раз, то пресвитер, чтобы поблагодарить этого незнакомца за его усердие в теплицах, принес туда две просфоры и предложил ему, но вот что услышал от него: "Отче, это святой хлеб. Для чего даешь мне это? Я есть не могу. Я, которого ты видишь, был некогда господином места сего, но за грехи мои здесь осужден. Если желаешь сделать для меня что-нибудь, то принеси вместо меня хлеб Всемогущему Богу и молись о грехах моих и знай, что ты услышан, когда, пришедши мыться, меня более не найдешь здесь". Сказав это, он сделался невидим. Пресвитер в течение целой недели приносил Богу каждый день за упокой его бескровную жертву и, пришедши после того в теплицы, уже не нашел там более незнакомца.

Инок, именем Иуст, живя в монастыре, где братья имели все общее и ничего собственного, скрыл у себя три золотые монеты, и за то после смерти брошен был в помойную яму и зарыт в ней с найденными у него монетами. Но спустя тридцать дней после его смерти, братья, сжалившись над ним, начали совершать за упокой его литургию и совершали тридцать дней. В последний из этих дней умерший Иуст явился родному брату своему Копиозу, даже не во сне. Копиоз с любопытством спросил его: "Что, брат? Каково тебе?" "Доселе худо было мне, но теперь хорошо", — отвечал умерший.

Преподобная Афанасия, когда, в сороковой день по кончине ее, сестры, обсчитавшись днями, забыли попросить священника совершить за упокой ее литургию, вечером того же дня явилась в сонном видении игуменьи и обличила ее, как за то, что она забыла сороковой день по смерти ее, так и за то, что она раздавала милостыню за упокой ее не сорок дней, как она завещала, а только девять. И в заключение сказала: "Да будет вам известно, что творимая за душу милостыня и иерейские молитвы умилоствляют Бога: если души усопших грешны, то через это они получают от Бога прощение грехов, а если чисты и праведны, то творящие поминовение сами на себя через это низводят милости Божии".

Две благочестивые девственницы имели несчастную привычку осуждать других.

Сколько ни убеждал их преподобный Венедикт оставить эту привычку, угрожая даже в случае упорства отлучением их от приобщения Святых Таин, все было напрасно: с этой привычкой они и скончались. Что же после того? По смерти их многие стали видеть их в Церкви, где они стояли до тех пор, пока дьякон не возглашал: елицы оглашеннии, изыдите. После этого возглашения они тотчас выходили из храма. Преподобный Венедикт, узнав об этом, велел совершить за упокой их литургию, и после того никто уже не видал их ни входившими, ни выходящими из храма, — знак, что грех был уже прощен.

На востоке в одном месте стали рыть землю для основания монастыря и нашли в земле двадцать тел, черных, как уголь, но ни мало не тронутых тлением. Святитель, иноки и народ, желая узнать, чьи это тела, стали со слезами молиться Богу, и, по их молитве, один из этих несчастных встал и сказал, что тут был некогда монастырь, что он и девятнадцать его товарищей, не смотря ни на какие убеждения и угрозы настоятеля, жили развратно, и вслед за тем просил, чтобы двадцать иноков обещались перед Богом в течение двадцати лет, проведенных усопшими в иночестве, молиться за них Богу с приношением бескровной жертвы. Когда же святитель с иноками изъявил на то свое согласие, — усопший оградил себя крестным знаменем и опять уснул сном смерти, — и сразу же тело его и тела его товарищей превратились в прах, так что святитель тогда же велел ссыпать по обычаю все кости их в общую усыпальницу.

Какие все отрадные примеры, отрадные как для живых, так и для умерших! И это отнюдь не все. Их несравненно больше... Но вот в слезящемся взоре вашем я читаю вопрос: все это было давно, отчего же теперь не бывает подобных чудесных явлений?... Знаю, верю, что этот вопрос не плод вашего неверия: как не верить тому, что несомненно было, как не верить, например, явлениям ангелов людям, о которых так часто упоминает Писание и Ветхого и Нового Завета? Нет, не плод вашего неверия этот вопрос, он плод вашей горячей любви к вашему близкому усопшему, такой любви, которая хотела бы, может быть, чтобы близкий вам усопший являлся каждый день к вам с вестью о себе, его свидание с вами слишком дорого, неоцененно для вас. И вот вы спрашиваете: отчего же теперь не бывает подобных чудесных видений? А я вас спрошу: почему же вы знаете, что теперь не бывают подобные явления? Нет, они и теперь бывают. И вот не угодно ли вам выслушать об одном из них:

В ноябре 1851 года один святогорский инок Н., запятнавший жизнь свою вдали от Афона, утонул на обратном пути на святую гору. Иноки святогорские, услышав о несчастной кончине его, стали молиться о нем, и вот, в конце ноября 1852 г. умерший Н. явился в келью старца С. и сказал: "Ты не пугайся меня, я не приведение, а действительно Н". Старец С., осмотрев его, спросил: "Да не бес ли ты?" "Нет, — отвечал Н., — я истинно Н". "А прочитай "Да воскреснет Бог" и перекрестись, тогда поверю, что ты не бес" — заметил ему С. "Ты меня перекрести, — сказал на это явившийся — ты прочитай "Да воскреснет Бог", тогда и убедишься, что я точно Н". С. исполнил его желание и начал читать, и когда дошел до слов "так да погибнут беси от лица любящих Бога", Н. перебил С. и прочитал: "так да погибнут грешницы от лица Божия, а праведницы да возвеселятся", и, глубоко вздохнув, задумался. Потом начал просить, чтобы иноки помолились о нем. "Разве ты нуждаешься в наших молитвах?" — спросил его С. "Ах, и как еще нуждаюсь!" — сказал Н., взявши за руку С. и

крепко сжав ее, продолжал: "Помолись обо мне, прошу тебя". "Да я и о себе-то не знаю, как молиться, — возразил ему старец — об этом нужно духовника просить". "И попроси, — сказал ему Н., — попроси и всю братию, чтобы они помолились обо мне". Старец, зная, что Н., живя на Афоне, часто ссорился с братиею, предложил ему примириться с нею. Н. задумался, вздохнул и сказал: "Не то уж теперь время"... И еще попросив молитв за себя, сделался невидимым. Так вот какие бывают и в наши дни явления! И может быть, они бывают и нередко, только малоизвестны, а некоторые даже и совсем неизвестны, потому что редко обнаруживаются. А обнаруживаются редко потому, что подобные видения, служащие для верующего поучительным уроком и назиданием, неверию или даже маловерию могут подать только повод к кощунству, могут возбудить только бессмысленный смех, как предметы суеверия и предрассудков. Нет сомнения, рассказываются иногда и вымышленные какие-нибудь явления, но из этого вовсе не следует, что "иногда" значит "всегда", подобно тому, как если бы какой-нибудь факт оказался ложным, вымышленным, то отсюда никто не был бы в праве заключить, что, следовательно, вся история — вымысел, ложь. Итак, повторяю, и в наши дни бывают явления необыкновенные, чудесные, хотя бывают и не часто, потому именно, что они необыкновенны, чудесны — а Бог без нужды никогда не расточает чудес. Да многие и из нас, конечно, видят иногда если не видения, то, по крайней мере, сны знаменательные, в которых нередко усопшие являются, беседуют, только мы мало обращаем внимания, потому что привыкли в каждом сне видеть не более, как дело случая или игру так или иначе настроенного воображения, как бы совсем забывая про то, что, кроме снов обыкновенных, есть еще сны и знаменательные, в которых Сам Бог нередко открывал и открывает людям волю Свою. Не так ли?...

Да, отвечаете вы, и мы действительно видим иногда сны знаменательные; но, во всяком случае, сон совсем не то, что видение. Не много он успокаивает сердце, мало услаждает душу... То ли дело видение?... Сколько бы усопший мог принести нам вестей из мира духовного! О, как загадочна эта страна, как таинственен этот мир!... Сколько бы мог пролить он светлой отрады в мрачную душу!... А то все сердце тоскует, все рвется душа... Ах, если бы в самом деле усопшие наши к нам чаще являлись!... Не правда ли, как это было бы полезно для нас?...

Вопрос ваш труден, а потому и отвечать на него я от себя не берусь. А вот послушайте прекрасные замечания об этом предмете одного из великих наших архипастырей. Он говорит:

"И не много думая, видишь, что пользы от сообщения живых с умершими было бы мало, а вред мог бы выходить великий. Какая польза? Утешение в разлуке, успокоение сетующих, несколько менее слез на могилу, несколько тише вздохов... Скажите сами, стоит ли из-за этого поднимать завесу вечности и нарушать безмолвие гробов? И кто еще знает? Утешило ли бы нас это свидание с умершим? Не облились ли бы мы еще горьчайшими слезами, узнав о его состоянии? Не отравило ли бы это всей жизни нашей? Но, положим, что свидания с умершими всегда доставляли бы некоторое утешение, думаете ли однако же, чтобы они были безвредны? Я опасуюсь в сем случае за многое, опасуюсь за живых и за умерших.

Всего вероятнее, во-первых, что сообщение наше с миром духов не остановилось бы на

должных пределах; многие простерлись бы до того, что отворилась бы пространная дверь гаданиям, суеверию, волшебствам, а потом и самым ужасным порокам нравственным. Такому злу именно подверглись некоторые из древних народов, у коих найдены были богопротивные средства сообщения с миром духов, почему Моисей под опасением смерти запретил израильтянам искать сего сообщения.

Во-вторых, на что обратилось бы сношение живых с мертвыми? Думаете ли, что предметом его была бы вера святая, любовь христианская, усовершенствование себя в терпении, в смирении, в кротости? Увы, и без сообщения с миром духов можно быть заранее уверенным, что все это сообщение обращалось бы большей частью около предметов недешеполезных: и у одних оно истощилось бы в суетном любопытстве о тайнах мира духовного, знание которых нисколько не назидает душу; у других излилось бы в жалобах на свои обстоятельства, на свои недостатки, огорчения, земные неудачи; иные потребовали бы от умерших совета, как вести свои дела, выполнить то или другое свое предприятие. А как исправить свое сердце, как освободиться от страстей, как приготовиться к вечной жизни на небе — об этом, вероятно, спросили бы немногие, да и для чего спросили бы? Тоже, может быть, более из любопытства, с тем, чтобы завтра забыть то, о чем спрашивали ныне. Таким образом, нравственной пользы от сообщения с миром духов мы приобрели бы мало, а между тем, возможность сообщения с другим миром непрестанно возмущала бы порядок нашего мира, нарушала бы правильное течение наших дел и занятий, наших мыслей и желаний. Задумали бы, например, какое-нибудь предприятие. Ждали бы, пока можно получить о нем мнение из другого мира. И кто знает, какое мнение? Мертвые не всеведущи, нередко мог бы быть подан совет не благой, а мы увлеклись бы им.

Наконец, поскольку здешняя жизнь наполнена разного рода неудовольствиями, то, видя часто разверзающимися пред собою двери вечности, многие по нетерпению стремглав начали бы бросаться в другую жизнь; между тем как теперь, не только вера и совесть, — самый мрак гроба своею непроницаемостью останавливает самых наглых и недовольных своей участью".

"И о мертвых нельзя сказать, чтобы возможность общаться с нашим миром не была сопряжена для них с опасностью. Трудно и представить, что бы они приобрели от сего?... Знать, что и как бывает у нас в здешнем мире? Они знают и без того. Видеть ничтожность и суету земных дел и помышлений?... Это им виднее, чем нам. Зачем же бы они приходили к нам? Доканчивать свои неоконченные дела? Это не их дело, иначе что значила бы смерть? Между тем, не получая для себя пользы от нисхождения в наш мир, усопшие могли бы получить вред из того.

Каждый возврат на землю более или менее, а всегда земленил бы их снова. С возвратом к прежним лицам и вещам у многих оживали бы нечистые земные привязанности, между тем как теперь огонь плотских страстей, как бы они ни были сильны, не имея у мертвых питания от земли, обращенный на самого себя, тускнеет и угасает" (Святитель Иннокентий Херсонский Слово в неделю Всех святых). Кто не согласится с такими светлыми мыслями знаменитого архипастыря?... И между тем вы так много ожидали себе пользы от сообщения с миром духов!... Но мы уже слишком далеко уклонились, пора возвратиться к делу. Итак, над прахом близкого вашему сердцу соедините в одно три отрадные мысли: Бог бесконечно благ

и милосерд; почивший ваш хоть грешник, но грешник не отчаянный — жил с верою и умер с покаянием. Теперь для него нет покаяния; но теперь нет для него еще и решительного приговора, и если он сам не может улучшить своей участи, то могут улучшить ее живые молитвою, милостынею и бескровною жертвою. Смотрите же на кладбища, как на нивы, засеянные почившими, и поступайте так, как поступает земледелец с зерном, брошенным в землю. Что нужно для зерна, чтобы оно прозябло и принесло плод? Нужно, чтобы земля для него была удобрена. Итак, если участь усопшего дорога для вас, не щадите избытков вашего состояния, считайте их, вместе с Апостолом, за уметы, уделяйте их в память усопшего нищим, и вот это и будет для вашего усопшего то же, что удобрение для нивы.

Что нужно для зерна, брошенного в землю, чтобы оно прозябло и принесло плод? Нужен благорастворенный воздух, для которого потребны иногда и молнии и громы. Итак, пусть чаще над прахом вашего близкого курится фимиам, как воздух благорастворенный; пусть чаще, как молния, освещает мрак могилы пламенная и просветленная верою молитва ваша, пусть чаще здесь глубокие, молитвенные вздохи вашего сердца сливаются с песнопениями св. Церкви. Вашему сердцу будет легче и вашему усопшему будет отраднее.

Что нужно для зерна, брошенного в землю, чтобы оно прозябло и принесло плод? Нужно, чтобы чаще орошали его благовременный дождь и животворная роса. Пусть же чаще струится за упокой вашего родного пречистая кровь Божественного Агнца, и это то же будет для него, что благовременный дождь и роса для нивы...

Боже милосердный!... Кто достойно возблагодарит Тебя за то наше счастье, что Ты сподобил нас родиться и жить в недрах святой православной Церкви и через то даровал нам столько средств к получению того вечного блаженства, которое уготовано Тобою для любящих Тебя? С лишком семь тысяч лет прошло, как мир стоит, и как в мир стали являться жертвы смерти, и во все это время Церковь не переставала молиться о прежде почивших отцах и братьях, повсюду православных; пройдут еще, может быть, целые тысячелетия и св. Церковь не перестанет молиться о них, о нас, о наших близких и о всех чадах своих. И перестанет молиться об умерших только тогда, когда не о ком будет молиться, когда упразднится смерть и умерших уже не будет.

Скажите, неужели же эти тысячелетние молитвы Церкви об усопших останутся бесплодны? О, нет! Быть этого не может. Не Сам ли Сын Божий сказал: "Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю". (Иоан.14:14); "Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам" (Матф.7:7)? И если человек, которого друг будет беспокоить просьбой о подавании хлеба, даже неблагоприятно, не откажет ему, если не по дружбе, то по неотступности просителя: то не более ли Бог милосердный? Сын Божий оставил небо и пришел на землю, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную (Иоан.3:16): а для чего Он оставил опять землю и вознесся на небо? Послушайте, что Сам Он, прощаясь с Апостолами, сказал им, а в лице их и всем верующим: "иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я" (Иоан.14:2,3). Послушайте, как в последние минуты жизни земной беседует Он с Отцом Своим небесным: "Не о них же (Апостолах) только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, [так] и они да будут в Нас едино" (Иоан.17:20,21), "Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были

со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне" (Иоан.17:24). Что может быть слаще и отраднее для нас этой молитвенной беседы Спасителя?... Итак, да не смущается сердце ваше; только веруйте в Бога, и в Сына Божия веруйте... В доме Отца Его обителей много (Иоан.14:2). Обратите слезящий взор ваш на небо: сколько горит там светил небесных! Не менее их уготовано и обителей для верующих во Иисуса Христа. Не все одинакового достоинства светила небесные — иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе (1Кор.15:41). Так и обители небесные не все одинакового достоинства — одни более, другие менее светлы... О, если бы Господь сподобил нас хоть последней из обителей Отца Небесного!... Первые, лучшие обители, конечно, для пророков, Апостолов, мучеников, преподобных... Кто же займет другие, меньшего достоинства обители? Милосердие Божие отверзло путь к небу и кающимся грешникам. И св. Апостол и Евангелист Иоанн видел духом, что множество и тысячи тысяч там славословят Господа... Впрочем, не место здесь думать о своих заслугах и о своем как бы праве на наследие той или другой обители небесной, праве, основанном только на том, что мы верующие, мы христиане. Нет, не полагайся на имущества твои и не говори: "станет на жизнь мою" (Сир.6:1) для того, чтобы получить Царство Небесное; не говори: "я грешил, и что мне было?", ибо Господь долготерпелив (Сир.6:4). "Не говори: "милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих"" (Сир.6:6). Правда, милосердие Божие так велико, что оно готово бы и самую геенну уничтожить. Но что же делать и милосердию Божию, когда еще остается дьявол со всеми слугами своими? Они так укоренились во зле, что и раскаяться не могут. Для них нужна геенна. Что делать милосердию Божию, когда были, есть и будут люди на земле, которые служат усердно дьяволу, а о Боге и не думают, и живут так до самой смерти!... И для них нужна геенна. А мало ли было и есть лжеименных христиан, которые называются верующими, и ничему почти не веруют. Им ли обольщаться мыслью, что они христиане и потому имеют полное право, по самому званию своему, на наследие Царствия Божия? Что за христианин без веры, без любви, без покаяния во грехах? Не гроб ли это окрашенный, который снаружи кажется красивым, а внутри полон костей и всяких нечистот (Матф.23:27)? Годится ли эта храмина гнилая служить украшением для светлого чертога Божия?... Что за христианин, когда не видно на нем ни золота любви, ни серебра надежды, ни драгоценного камня веры, а весь обременен только дровами, сеном и соломой грехов и страстей? Золото, серебро и драгоценные камни горят и сияют в обителях небесных, а дрова, сено и солома — куда годятся?... Куда, как не в жертву пламени гееннскому?... И многочисленные опыты показали, что люди, которые живут в крайней беспечности о своем спасении, не думая ни о Боге, ни о тяжести грехов своих, ни об ответственности за грехи, — и умирают большею частью или с неполным покаянием, или даже вовсе без покаяния. Те же опыты показывают, что за таких людей, по смерти их, и молитвенников слишком мало. Да иначе и быть не может, ибо кто за усопшего молится? Конечно друзья его и близкие ему. Кто же мог пользоваться дружбой и любовью того, кто так беспечен был о своем спасении, как не люди, подобные ему во всем, люди также крайне рассеянные и равнодушные к своему спасению? А станут ли они молиться о нем? О, им ли молиться за другого, когда и за себя им недосуг открыть уста свои на молитву?...

Итак, горе людям, прожившим свой век в крайней беспечности о своем спасении! Но благо тем, которые жили в вере и покаянии, оставив по смерти своей многих молитвенников

за себя! И если вы, плачущие о близких вашему сердцу, если вы потеряли таких людей, которые как жили, так и скончались в вере и покаянии, — то умерьте ваши слезы, молитесь за них и уповайте на милосердие Божие.

Но не здесь еще конец нашим слезам. "Пусть усопшим нашим и хорошо там, — говорят сетующие, — но нам-то здесь без них худо. Мы желали бы с ними вечно жить, желали бы ими вечно утешаться, а между тем, неумолимая смерть оторвала их от нас и оторвала навсегда... Было время, когда и один час разлуки с ними был для нас тяжек, а теперь?... Проходят дни, проходят месяцы, пройдут годы, пройдут десятки лет, а свиданья с ними все нет и нет... И, Боже мой! Есть ли даже какая-нибудь надежда увидеться нам с ними когда-нибудь? Не потеряны ли они для нас навсегда-навсегда?..." Часто так думают над прахом родных и друзей, и слезы снова струятся из глаз.

Но эти слезы тогда бы только были справедливы, когда бы мы обречены были вечно жить на земле. Но о чем безутешно плакать о разлуке с родными, когда и все мы здесь не вечны? Пройдет несколько лет, а может быть даже несколько месяцев или даже несколько дней, и нас Господь позовет туда же, куда и их позвал. И тогда-то ничто уже нас не разлучит с ними, тогда-то вечно с ними будем мы... А велики ли наши годы в сравнении с вечностью? О, пред нею и тысяча наших лет, как день один!... Но кто же, скажут нам, кто поручится, что за гробом мы будем иметь свидание с близкими и родными? Есть порука, и порука верная! Это непреложное слово Божие.

Раскройте, например, книгу пророка Исаяи. Там пророк, описав судьбу Вавилонского царя, говорит, что души, находившиеся в аду, увидев среди себя этого гордого владыку, (который мечтал на небо взойти и поставить престол свой выше звезд небесных и быть подобным Вышнему), изумились и восклицали: "и ты сделался бессильным, как мы! и ты стал подобен нам! В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви - покров твой" (Ис.14:10,11) и пр. Итак, там и грешники видятся с грешниками. Раскройте книгу Бытия и там прочитайте слова патриарха Иакова: "с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю" (Быт.37:35). Так говорил Иаков в скорби при вести, что сын его Иосиф растерзан зверями, говорил в то время, когда все дети старались утешить его. Итак, и праведный Иаков надеялся на свидание с сыном своим за гробом. Раскройте книгу Царств, и там найдете, что св. царь и пророк Давид горько плакал, когда сын его от жены Урииной сделался болен; а когда скончался, Давид сказал: "А теперь оно (дитя) умерло... Разве я могу возратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне" (2Цар.12:23). Итак, и Давид надеялся видеться с сыном своим за гробом. Раскройте св. Евангелие и прочитайте там притчу о богатом и Лазаре (Лук.16:19-31). Здесь говорится, что богач, который всю жизнь свою одевался в порфиру и виссон, и каждый день веселился, а на бедного Лазаря, лежавшего у ворот дома его и покрытого струпами, и взглянуть не хотел, — по смерти своей снисшел во ад, и хотя между ним и Авраамом и Лазарем пропасть велика утвердися, так что и перейти ему к ним было нельзя, — однако же и этот грешник мог там, хоть и издали, видеть праведных Авраама и Лазаря, и не только видеть, но и беседовать с ними. Итак, там за гробом даже величайшие грешники могут не только видеться, но и беседовать с величайшими праведниками. После этого нет уже нужды говорить, что там праведники видятся с праведниками, благочестивые с благочестивыми. "Отче! — молился

Сын Божий Отцу Своему, — которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне" (Иоан.17:24). Как же благочестивым не иметь там друг с другом свидания и общения, когда все они там около Спасителя, как дети около отца? Там ли, например, не видеть друг друга тем, которых видел в духе св. Апостол Иоанн около престола Бога вышнего, а число их множество и тысячи тысяч? Там ли не видеть друг друга св. мученикам, которых видел тот же Апостол там всех вместе под алтарем? И что могло бы быть препятствием к взаимному свиданию и общению за гробом? То ли, что там до всеобщего суда и воскресения обитают одни только души без тел? Но здесь на земле каким образом мы имеем свидание и общение друг с другом? Глаз ли наш, например, собственно видит человека? Не глаз, а душа через глаз. Ухо ли наше перенимает беседу другого? Не ухо, а душа через слуховой орган. Язык ли наш передает мысли другим? Не язык, а душа через язык... Ни глаз, ни ухо, ни язык сами по себе без души не имеют никакого значения: мертвые не видят, не слышат, не говорят, хотя и имеют все нужные для этого орудия. Значит, душа, собственно, есть действующая причина, а тело только орудие. И здесь для души это орудие необходимо, потому что она и сама обложена телом, без чего и существовать здесь не может, и действовать должна на душу, обложенную также телом. Но коль скоро этого тела не будет, а останется только одна душа, то что ей может препятствовать прямо и непосредственно действовать на душу! Препятствия никакого нет, а напротив, открывается через то для души легчайший способ действия, так как тело тленное отягощает душу и земное жилище обременяет ум. Не понятно, скажут, как душа может видеть душу непосредственно? Но все ли для нас бывает понятно и то, что с нами бывает ежедневно, и в чем потому мы не имеем ни малейшего сомнения? Понятно ли для нас, как душа наша через глаз видит другого человека? Еще более, понятно ли для нас, как душа наша может представить себе образ другого человека так, как будто он стоит перед нами, тогда как он в отсутствии, и даже в то время, когда все орудия наши телесные остаются в бездействии, например, во время сновидений?... Все это мы обыкновенно приписываем силе воображения и тем как будто удовлетворительно решаем вопрос, который все однако же остается неразгаданным.

Ангелы — духи бесплотные, а кто станет утверждать, что они не видят друг друга, хотя мы и не понимаем, как это бывает? Если "мы едва можем постигать и то, что на земле, и с трудом понимаем то, что под руками, а что на небесах — кто исследовал?" (Прем.Сол.9:16) "Мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем" (1Кор.13:9), — говорит Апостол, — и к чему не приложим наше знание, везде увидим, что это отчасти. Тело есть как бы зеркало души, и вот мы ныне видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно (1Кор.13:12), видим душу человека не иначе, как она проявляется во внешних действиях; а кто из людей знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? (1Кор.2:11)? Но, — продолжает Апостол, когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится (1Кор.13:10). Теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан (1Кор.13:12). Вот каково, по словам Апостола, там будет наше знание! Если же так, то и души могут там видеть друг друга несравненно чище и яснее, чем в настоящей жизни человек может знать человека: тогда же познаю, якоже и познан бых.

Итак, то обстоятельство, что там души до всеобщего суда и воскресения обитают без

тел, отнюдь не препятствует взаимному их свиданию и общению. Что же еще могло бы препятствовать взаимному свиданию и общению усопших? То ли, что после всеобщего суда и воскресения души усопших опять соединятся с телом? Но по собственному опыту мы знаем, что это ни мало не может служить к тому препятствием: из нас нет такого бесплотного, а все мы видим друг друга, все можем иметь взаимное общение. Правда, тела наши тогда изменятся. Но каково бы ни было это изменение, все, однако же, то же самое тело встанет из гроба, которое положено было в гроб, а не другое какое: Бог дает ему тело, — говорит Апостол, — как хочет, и каждому семени свое тело (1Кор.15:38), что посеяно, то и вырастет: от пшеницы — пшеница; от плевела — плевел. В чем же будет состоять эта перемена? Апостол говорит, что Господь тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его (Фил.3:21). Следовательно, каково было тело Иисуса Христа по воскресении, таково, или, по крайней мере, подобно ему будет и наше тело после воскресения. Тело Спасителя после воскресения Его было так тонко и духовно, что могло пройти сквозь затворенные двери, и наши тела будут так тонки и духовны, что способны будут носиться по воздуху. На теле Господа остались язвы от гвоздей на руках и рана в ребре. И на наших телах по воскресении останутся признаки, свидетельствующие или о подвигах веры и благочестия, или о неисправимых пороках, так что в теле праведников будут отражаться, при свете благодати Божией, как в зеркале, все добрые дела их, коими угодили они Господу во дни земной жизни, от того они будут светлы и прекрасны, а в теле грешников будут отражаться, как в зеркале, все грехи их, сделанные во время земной жизни и неочищенные покаянием и молитвами Церкви, оттого они будут мрачны и безобразны. Тело Иисуса Христа по воскресении Его так изменилось, что Мария и Апостолы сначала даже не узнали Его, хотя и беседовали с Ним. Но после, однако же, все они убедились, что это не призрак, не дух, ибо дух плоти и костей не имеет, а Он не только имел и плоть и кости, но и разделял с ними трапезу. Все они нашли в Нем что-то знакомое им и с радостью узнали своего Господа, и даже сам Апостол Фома, говоривший Апостолам, что он дотолé не поверит им в том, будто они видели воскресшего Господа, пока сам не увидит на руках Его ран от гвоздей и не вложит перста своего в раны от гвоздей и не вложит руки своей в ребро Его (Иоан.20:25). Но когда Господь явился и показал ему и руки, и ноги, и ребра Свои, сам Фома с радостью тогда сказал: "Господь мой и Бог мой" (Иоан.20:28). Итак, как ни изменилось тело Спасителя по воскресении, однако же все видевшие Его находили в Нем многое такое, что прежде видели в Нем и узнавали Его в то время, когда собственные тела их самих еще не были прославлены и не имели никакой перемены, тогда как для созерцания тела прославленного нужны были, без сомнения, и орудия более тонкие и духовные, нежели какие мы теперь имеем и какие они имели тогда. Что же может препятствовать нам по воскресении иметь взаимное свидание и общение, тогда как наши тела и тела всех усопших получают уже свое изменение? Значит, эти слезы наши, слезы о том, что мы, расставшись с близкими, не увидимся с ними никогда, походят на слезы младенца, от которого мать удаляется на некоторое время, а он горько плачет, думая, что она оставляет его навсегда. Нет, прикиньте ближе к останкам вашего усопшего и с верою припомните утешительное слово Христово: "Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу" (Иоан.16:16). "И вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас" (Иоан.16:22). Дай только Бог, чтобы там, за гробом, свидание наше с родными и близкими было радостное, а не печальное. А это будет тогда, когда мы

будем молиться за них и за себя. Если усопший наш скончался с верою и покаянием, то будем молиться Господу, чтобы Он простил и все остальные грехи его, и упокоил его в месте светлом и покойном, а между тем будем и сами благоугождать Богу своей жизнью, чтобы Он сподобил и нас мирной, христианской кончины с верою и покаянием. Будем служить и добро творить и ближним, чтобы они по смерти нашей не забывали нас в своих молитвах, и тогда — надежда на радостное свидание с усопшими для нас несомненна.

Все это — общие источники утешения. Но есть еще особенные причины, заставляющие лить слезы на могиле. Их так много, что почти каждый имеет свои причины плакать. Так, различие лет людей усопших исторгает из груди нашей различные вздохи и стоны. Не так горько расставаться с человеком, который сходит во гроб, якоже пшеница созревшая, во время пожатая, не так горько, ибо такой человек уже отжил свой век: за семьдесят или восемьдесят лет, что такое жизнь, как не труд и болезнь? И земля менее бы кропилась слезами, если бы недра ее для них только разверзались. Но сколько умирает детей, которые едва успели взглянуть на свет с радостной улыбкой, — и он для них сокрылся! Зачем они родились? Затем ли только, чтобы причинить матери болезни во время рождения, потом потерпеть самим немало болезней, потом порадовать отца и мать, потом поселить в них сладкую надежду, и, наконец, сладкую надежду сменить горькой слезой?... Сколько людей умирает в нежной юности, которые, подобно цветку, только что начали распускаться и благоухать и под влиянием холодной смерти должны вдруг засохнуть и завянуть! Для того ли они расцвели, чтобы не принести никакого плода?... В подобных случаях люди нередко дерзают роптать на самое Провидение, которое, по их расчетам, неблагоприятно отнимает у них лучшие сокровища. Ропщут часто и на самих себя, укоряя за то, что не могли предпринять заранее всех мер для спасения близких. Не щадят упреков иногда и для врачей, которые пользовали усопшего и не могли спасти его от смерти. Но этот ропот недостойн человека. Эти слезы преступны. Эти вздохи ненавидит Бог. Вы ропщете на Провидение за то, будто оно так неблагоприятно потребовало от вас жертвы. Неблагоприятно?... Что вы!... Только у нас на земле то или другое бывает не в пору, не вовремя. На небе — не так! Там нет слов "рано" или "поздно", там всему свое время!

Часто смерть похищает невинных детей. Но вы знаете, что им принадлежит царствие Божие, и, между тем, плачете, что они так рано отходят от вас к Отцу Небесному, не испытав горестей земной жизни, и считаете исход их неблагоприятным... Подумайте сами: отцовские ли это вздохи, материнские ли слезы?... Знаю, что в ваших слезах не та блестит мысль, что они отходят от вас к Отцу Небесному; нет, ваши слезы о том, что вы теряете в них ваши светлые надежды на ваше счастье, теряете будущих друзей и хранителей вашей старости. О, надежды, надежды! Если бы всегда сбывались вы! Но скажите, кто поручится, что дети ваши, если бы жили долее, всегда доставляли бы вам одни только радости и утешение? Кто знает? Может быть, с годами они познакомились бы с обычаями света, противными христианству, и тогда не были бы столь любезными для Отца Небесного детьми, как теперь. Может быть, с годами остыл бы в них и к вам жар детской любви и они не были бы столь милыми для вас чадами, как теперь. Может быть... но чего бы не могло быть с ними в течение жизни?... А теперь они чистыми, невинными, как ангелы, отошли от вас к Отцу Небесному, а вы все еще плачете, называя исход их от вас неблагоприятным. Подумайте сами: отцовские ли это вздохи, материнские ли слезы?...

И если бы оплакиваемый вами младенец мог сказать вам в утешение, он, мне кажется, сказал бы вот что: "Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу" (Иоан.14:28), иду не к чужим, а к своим, иду к Отцу моему и Отцу вашему: Он ли не заменит вас там для меня?... Что сказано о младенцах, — то же почти должно сказать и о возрасте юношеском. Если Бог берет к Себе юношей, то, видно, берет их благовременно: видно, они довольно созрели уже для вечности, и Господь берет их, да не злоба изменит разум их, или лесть прельстит душу их; а если еще и не дозрели, то они еще несравненно хуже были бы для неба, если бы долее оставались на земле. И вообще, где назначить предел жизни для людей, любезных сердцу? Только холодный рассудок наш решает иногда, и то нерешительно, кого смерть похищает вовремя, кого не вовремя, а бедное сердце наше не знает расчетов рассудка: лишь бы только любезен был для него человек, похищенный смертью, — оно одинаково скорбит и плачет о нем, на заре ли дней своих, в полдень ли жизни или на самом закате он оставил свет... Нет, страшно роптать на Провидение, но бесполезно роптать и на самих себя.

Ропщем мы иногда на себя за то, что не предприняли всех мер к спасению близкого. Но кто может предвидеть все предохранительные меры? И надобно быть уверенным, что, если бы только Господу угодно было продлить дни нашего близкого, Он внушил бы нам эти меры, и мы воспользовались бы ими. Но если это Ему не угодно, то хотя бы весь мир пришел к вам на помощь — все было бы без пользы. Припомните, не подвергался ли и прежде близкий ваш, теперь усопший, болезням и опасностям, и Господь спасал его, хотя, может быть, с вашей стороны еще менее предпринято было средств к сохранению его, нежели сколько употребили для него в то время, когда лишились его?... Что делать? Жизнь есть дар Божий, который мы и по внушению Божию, и по внушению собственной природы должны всемерно хранить и беречь. Но смерть не страшится никакой нашей предусмотрительности и часто направляет жало свое на свою добычу с той стороны, откуда мы вовсе не ожидаем. Что делать?... Смерть — безжалостный скелет, без сердца, без души.

Напрасно ропщем мы и на врачей, пользовавших нашего близкого. Скажите, есть ли врачи и есть ли лекарства против смерти? Среди ли богатства и роскоши, в великолепных чертогах не нашлось бы врачей, самых умных и опытных, там ли не достало бы у них и знания, и усердия к своему делу? Но, увы!... И там, как часто искусство самых опытных и усердных врачей исчезает перед силою смерти!... Врачи — орудия Того, Кто есть поднимающий душу, и просвещающий очи, исцеление дающий, жизнь и благословение. И если бы Врачу Небесному угодно было продлить дни вашего близкого, Он верно положил бы на сердце врача земного то, что нужно было употребить для спасения больного. А когда Он не положил сего, значит не на радость была бы жизнь усопшего, если бы она еще продлилась на земле.

Вообще, люди — то же в мире, что пшеница в поле. Земледелец знает, когда время и когда не время снять пшеницу, а мы все, плачущие о наших близких усопших, походим на детей, которые судят и рядят о том, зачем земледелец так рано или так поздно пожинает пшеницу на поле. Но что было бы с пшеницею, если бы она пожиналась не по расчетам опытного земледельца, а по распоряжению неопытных судей? Что было бы и с нами, если бы смерть пожинала нас по нашему недалёковидному распоряжению, а не по воле и власти Того,

в деснице Которого и живот и смерть?

Особенную причину плакать имеют люди, которые в усопших лишаются отцов, матерей и вообще благодетелей. С потерей таких людей часто они в будущем ничего не видят и ничего не хотят видеть, кроме предстоящих им нужд и лишений, кроме горького, беспомощного сиротства. "Что-то с нами будет, — взывают они в горести сердца, — что-то с нами будет?! От нас взято все и нам не осталось ничего... Бедные мы сироты! Кто-то теперь о нас позаботится, кто-то подумает о нашей судьбе?..."

"Кто-то теперь о нас позаботится, кто-то подумает о нашей судьбе?..." Бог — сиротам Отец. Итак, все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас (1Пет.5:7). Он семью хлебами напичкал несколько тысяч человек, и целые сорок лет питал израильтян в пустыне манною. Для вас ли одних не достанет у Него хлеба? Он сорок лет одевал израильтян в пустыне, где ничего нельзя было приобрести и целые тысячелетия одевает даже лилию полевую, и притом так роскошно, что и Соломон так не облакался, как каждая из них. Для вас ли одних не достанет у Него одежды?

"Кто-то теперь о нас позаботится, кто-то подумает о нашей судьбе?..." А кто доселе питал вас, кто согревал и покоил? Отец, говорите, мать, благодетель — но их уже нет... Так, но своей ли силой они питали и покоили вас? Нет! Их рукой действовал Сам Отец Небесный, Которому принадлежит земля и исполнение ея, вселенная, и вси живущии на ней. Он один Податель и Творец всех даров, которые доселе вы от них получали; а они были только орудия, через которые Он подавал вам. И если Ему угодно было взять к Себе эти орудия, то мудро ли для Премудрого, и трудно ли для Всемогущего найти для Себя и для вас другие орудия, через которые Он будет продолжать изливать на вас Свои милости? Не часто ли случается слышать: такой-то сирота принят в такое-то благотворительное заведение; а того принял на воспитание такой-то благотворитель; а для таких-то сирот заменила нежную, попечительную мать такая-то сродница их?... Скажите сами: кто так устраивает сирот, кто внушает благотворителям такую заботу о них? Не Тот ли, Кто лишил их отца и матери? Святой Давид и в молодости, и в старости не видал примера, чтобы праведник оставлен был и чтобы дети его просили хлеба (Пс.36:25). И сколько в мире есть великих людей, которые на заре дней своих осиротели, и сколько, напротив, обыкновенных и даже мелких из тех, которые никогда не отрывались от объятий родительских?

"Кто-то теперь о нас позаботится, кто-то подумает о нашей судьбе?..." А почему же не позаботиться и не подумать о вас тем, которые доселе о вас так горячо заботились и которых так горячо теперь вы оплакиваете? Но их уже нет, возражаете вы; они умерли... Так, умерли. Но разве умерла в них душа, которая, собственно, и заботилась о вас. Разве умерло в них сердце, которое пламенело к вам любовью и желанием вам всякого добра? О, нет! Они теперь и живут, собственно, умом и сердцем. И что же бы могло быть препятствием к тому, чтобы заботиться им о вас по-прежнему и любить вас по-старому? Забывает ли отец детей своих в то время, когда по каким-нибудь обстоятельствам отлучается от них? О, нет! Его сердце там болит о них еще более, нежели прежде, когда они были у него всегда перед глазами!... Не то же ли, в некоторой мере, бывает и с отшедшими от нас родителями и благодетелями нашими?

Раскройте святое Евангелие и прочитайте там притчу о богатом и Лазаре. Богач, будучи в муках, просил Авраама послать вестника на землю. "У меня, — говорил он, — пять

братьев. Пусть он предостережет их, чтобы и им не подвергнуться тем страшным мучениям, какие я испытываю" (Лук.16:27,28). А, кажется, ему ли было думать о судьбе братьев своих? До братьев ли, когда он сам мучился во пламени и не мог упротить Авраама, чтобы он омочил конец перста своего в воде и прохладил ему язык? И, однако, несмотря на тяжесть мучений своих, несмотря на жгучесть нестерпимого пламени адского, его сердце все еще пламенеет любовью к братьям своим. Он заботится об их участи, он ходатайствует за них... И замечательно: когда он просил себе милости, Авраам сделал решительный отказ — знак, что там нет места покаянию и нет места ходатайству за себя — но когда он просил милости для братьев своих, Авраам не сделал ему прямого отказа, а только сказал ему, что братья его так упорны и ожесточены, что и самое посольство к ним было бы для них без пользы. Когда св. благоверный князь Александр Невский имел упорную войну со шведами, в то время видели на легкой ладье лучезарных витязей, похожих на святых мучеников Бориса и Глеба, из которых один сказал другому: "Поможем родственнику нашему Александру". И шведы, при их содействии, вскоре пали к ногам Александра. В наши дни, когда иеромонах Аникита, в мире князь Сергей Шахматов, услышав о болезни благочестивой матери своей, отправился к ней, чтобы проститься с нею и получить от нее благословение на вступление в монашество, но, застав ее уже бездыханною, горько плакал о том, что не успел получить от нее благословения — благочестивая мать слышала его вопли и не замедлила отереть его слезы. Во время легкой дремоты она явилась к нему со светлым лицом и сказала: "Благословить много, а дозволить можно". Один архиепископ А.В., жестоко страдавший меланхолическими припадками, усердно просил у Бога себе помощи, и раз во время вечерней молитвы заметил, что в передних его комнатах разлился свет, который, постепенно усиливаясь, наконец окружил его самого. Тут же увидел он какую-то женщину и, всмотревшись в нее, узнал, что это была покойная мать его. "Зачем ты так горько плачешь, чадо, — сказала она, — и понимаешь ли, чего просишь у Господа? Для Господа не трудно исполнить твое прошение, но знаешь ли, чего ты через это лишаешь себя?... Ты и сам не знаешь, чего себе просишь". И, дав ему несколько наставлений, сделалась невидима. А вот еще какое, не упомяну где, описано обстоятельство. Действительный тайный советник князь Владимир Сергеевич Долгорукий, находясь в звании посланника при Русском дворе в царствование Фридриха, заразился там вольномыслием. Узнав об этом, родной брат его, князь Петр Сергеевич, не раз писал к нему письма, в которых уверял его, что он в заблуждении, что без истинной веры нет на земле счастья, что вера существенно необходима для будущей жизни и пр. Но все было напрасно: читая беспрестанно Вольтера, Дидерота, Даламберта, князь Владимир Сергеевич смеялся над убеждениями набожного брата. Однажды он, возвратясь от короля и чувствуя сильную усталость, разделся наскоро, бросился в постель и скоро задремал. Вдруг слышит он — кто-то одергивает его занавес, приближается к нему, и хладная рука прикасается к его руке, даже жмет ее. Он смотрит, видит брата и слышит от него: "Верь!" Обрадованный неожиданным явлением, Долгорукий хочет броситься в объятия брата и друга, но вдруг видение исчезает. Он спрашивает у слуг, куда девался брат, и услышав от них, что никакой брат к нему не являлся, старается уверить себя, что это сон, мечта, но слово "верь" не перестает раздаваться в ушах его и не дает ему покоя. Он записал число, час и минуту видения, и вскоре получил известие, что в этот самый день, час и минуту скончался брат его, князь Петр Сергеевич. С тех пор он сделался набожным и верующим христианином, и об этом видении часто говаривал другим.

Владимир Энгельгард перед отправлением из Москвы в Архангельск по делам службы, 5 февраля 1858 г., письмом просил мать свою, жившую в Петербурге, благословить его на далекий путь. Отправившись в дорогу, он остановился для ночлега на одной станции и тут, лежа на диване, увидал перед собою наяву, 13 февраля в 3 часа утра, мать свою с его сестрою, скончавшейся еще в 1846 году. Мать благословила его крестным знаменем. Пораженный этим видением, он зажег свечу, чтобы яснее рассмотреть явившихся, но явившиеся внезапно стали невидимы. Впоследствии он узнал, что в это самое утро мать его скончалась в Петербурге. В Бозе почившему московскому митрополиту Филарету (19 ноября 1867 г.) за два месяца до его кончины было необычайное извещение в Сергиевой Лавре о близком отшествии его в вечность. Именно утром 17 сентября 1867 г. он сказал наместнику Лавры, архимандриту Антонию: "Мне явился родитель мой и сказал — береги девятнадцатое число". Наместник позволил себе заметить: "Владыко святой! Разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения? Притом, как же можно обращать внимание на такое неопределенное указание? Ведь девятнадцатых чисел в каждом году бывает двенадцать". Но владыка с уверенностью ему сказал: "Не сон я видел и потому думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться святых таин". И действительно он причащался 19 сентября, 19 октября и 19 ноября — в день своей кончины. Так занимает усопших на небе наша участь на земле!

Есть еще обстоятельство, которое особенно заставляет лить слезы над прахом усопших. Часто мы бываем несправедливы к живым, часто делаем им оскорбления, и иногда не сознаем себя виновными в том, а сознаемся уже после их смерти. И вот это-то горькое сознание, как камень и давит нашу грудь. Но что сделано, того слезами не возвратить. Лучше вот что взять при этом во внимание: оскорбления вообще неизбежны для слабости человеческой, и они, конечно, продолжались бы, если бы усопший снова встал и снова начал жить между нами. Если же они уже сделаны, то вместо бесполезных вздохов и слез, лучше усилить молитву свою за усопшего, и это послужит ему отрадою. Он забудет оскорбление, а будет помнить одно только наше добро. После него остались, может быть, дети, сродники и другие любимцы его сердца. В них остается еще он существовать на земле. Итак, пусть они вместо него сделаются предметом нашей любви, наших неусыпных забот и благотворений — и его сердце будет спокойно, и нашей душе будет отраднее.

И вообще, какие бы ни были причины наших слез, всегда надо помнить, что плакали в свое время и наши усопшие о потере своих близких, но потом слезы их уменьшились, и вот, наконец, уже и сами они сделались предметом наших слез. Закон неизменен: род приходит и род преходит. Не на вечность и нам достались в удел слезы: время умерит, а смерть и совсем иссушит их. Надо помнить, что особенно тяжело для сердца переносить такие потери, которые с другими или вовсе не случаются, или случаются слишком редко. В таком случае мы смотрим на себя как бы на отверженных счастьем, как бы на забытых Богом.

Но потери близких сердцу совсем другого рода. Их испытывают все, хотя не всегда в одно время — сегодня один, завтра другой, там третий и т.д. Это общая доля для каждого — для бедных и богатых, для знатных и незнатных. Вы плачете о своих, другие плачут о своих. Вам тяжело и им нелегко. Не преувеличивайте же в ваших мыслях и словах вашего несчастья и не забывайте в вашем горе до дерзкого ропота на свою судьбу и на Бога.

Надо помнить, что все эти потери составляют для нас крест, который только тогда для нас может быть полезен и спасителен, когда мы несем его безропотно. В самом деле, слезами не возратить того, что взято, а между тем, что пользы от наших слез для нас самих? Давно, давно уже замечено, что печаль мужу вредит сердце (Прит.25:20), что унылый дух сушит кости (Прит.17:22), что от печали бывает смерть, и печаль сердечная истощит силу (Сир.39:18), и что многих даже погубила печаль и потому нет пользы в ней. Приятны ли наши слезы Богу? Скажите, нравятся ли отцу или матери вопли дитяти, когда они отнимают у него то, что следует отнять, а оно, не понимая и не желая даже понять того, что эта вещь, отнятая у него, не только не годится, но даже может быть вредна для него, и не слушая ни убеждений, ни угроз, продолжает горько плакать и кричать? Такое дитя сами они называют капризным и своенравным, которому, потому, не только не возвращают того, что служит предметом его слез, но часто отказывают ему за то и в тех удовольствиях, которые позволили бы ему, если бы оно было во всем послушно им и покорно.

И наши слезы как часто походят на слезы капризных и своенравных детей! Судите же сами — могут ли потому они быть приятными Богу? Приятны ли они, по крайней мере, для усопших? Приятна для них эта горячая любовь к ним, которая заставляет нас лить слезы о них; но приятно ли для них то, что мы, в этом случае, так мало выражаем доверия и покорности Промыслу Божию! Приятно ли для них то, что мы, любимые ими, произвольно сами себя через то так сильно сокрушаем и изнуряем? Приятно ли для них, наконец, то, что наши обильные слезы мешают нам и молиться о них, тогда как для них нужна молитва, а не слезы наши?... Они все это знают, все это чувствуют и наша земная печаль как бы невольно печалит и их сердца. Совсем не то бывает, когда мы, отдав необходимую дань природе, стараемся умерять наши слезы. Нет нужды говорить, что мы в таком случае и сами себя чувствуем лучше, не убивая себя излишнею скорбью, и способны бываем к продолжению своих занятий по-прежнему. Нет нужды говорить, что тогда и усопшим нашим бывает приятнее: они видят, что хотя мы и любим их, но любим и Отца Небесного, Которому предаемся с детскою покорностью и Которому молимся о них с сердечным участием.

И Сам Бог за твердое, безропотное перенесение нами утраты не оставит нас Своею милостию. Вспомните Авраама. Бог требует от него в жертву Себе сына его Исаака. Авраам — нежный отец. Исаак — любимый сын его. Чувства нежного отца к любимому сыну кому неизвестны?... И, однако же, Авраам решается беспрекословно исполнить волю Божию — и вот, юный сын со связкою дров за плечами, а престарелый отец с жертвенным ножом в руке и с родительской печалью в сердце, идут на вершину горы. Вот разложены уже дрова. Вот сам отец возлагает на них любезного сына своего. Вот берется, наконец, за жертвенный нож, чтобы заклать им невинного агнца, но вдруг раздается с неба голос: "Не поднимай руки на отрока... Я знаю, что ты боишься Бога, когда и возлюбленного сына своего не пожалел для Меня. Я, благословляя, благословлю тебя, и благословятся в семени твоём все народы земные" (Быт.22:12; 17). И вместо сына приносится во всеожжение Богу овен, увязший рогами в кустах. Нам Бог не возвращает жертв, которых от нас требует, как Аврааму, но если и мы с твердостью души, с покорностью Промыслу Божию, подобно Аврааму, отдаем ему от себя жертвы, Он и нам ниспешлет Свое благословение: благословляя, благословлю тебя, и наградит нас за наше терпение здесь и там так, как мы и ожидать не могли: Он всегда один и тот же. Он всегда есть любовь, всегда Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий

нас во всякой скорби нашей (2Кор.1:3,4). Надо, наконец, помнить, что все наши усопшие пролагают для нас, живых, путь туда, куда идти страшно для всех, и что Сам Бог, отнимая у нас любезных для нашего сердца, заблаговременно приготавливает нас к тому, чтобы мы не слишком были привязаны к земной нашей жизни, чтобы не думали всегда о земле, а подумали иногда и о небе. В самом деле, как мы смотрим на землю, куда скрывается прах усопших, и на небо, куда взлетает их душа, дотоле, пока не испытываем потерь, близких сердцу? Мы смотрим на кладбище с каким-то страхом; эта земля обдает нас каким-то холодом и только... Вот впечатления при посещении кладбища! А небо?!... Оно представляется нам чем-то таинственным и как бы чуждым для нас.

Совсем иначе представляем мы небо и землю с той минуты, которая разлучит нас с любимцем сердца. Вы лишились, например, отца, или матери, или супруги и вы уже как бы сродняетесь с землею. Ибо как не сродниться с нею, когда в ней сокрыта уже часть вашей крови, как не сблизиться, когда в недрах ее часть, так сказать, вашего тела и часть ваших костей превратилась уже в прах?... И вам не страшна уже эта мрачная, холодная могила. И вам уже не тяжело будет лечь в свое время подле нее; там прах ваш поместится близ родственного вам праха; там кости ваши смешаются с костями ближних ваших...

Иной тогда взгляд у нас и на небо. Оно становится для нас ясным и родным; оно делается чаще предметом наших дум, желаний и надежд. Лишившись близкого сердцу, вы чувствуете, что как бы часть духовного существа вашего уже там. Вы верите, что близкий ваш уже ждет вас там к себе с нетерпением, и, когда ударит ваш час, вам уже не так страшно будет перейти туда. Вы там не будете одиноким, бесприютным сиротою; там есть кому встретить вас, обласкать и утешить... Там друг ваш, там ваш родной!...

Понятно, что все подобные размышления не могут еще осушить наших слез, но где человеческая помощь оказывается слабою, там является к нам на помощь Сам Господь со Своею благодатью. Только нам стоит обратиться к Нему с горячей молитвою, чтобы Он усладил нашу горесть, и Он, милосердный, не замедлит услышать вопль нашего сердца. Он сам прослезился над прахом друга своего Лазаря (Иоан.11:35). Ему ли, потому, не знать, как тяжка для сердца разлука с близким, и как нужно для нас здесь утешение?... Он столько нас любит, сколько мать не может любить детей своих! Любит нас более, чем мы любим себя! Кто же, как не Он, может более и подать нам утешения? Он премудр и всемогущ, мудрено ли потому и трудно ли для Него доставить нам такое утешение, какого мы и вообразить не могли?... И разлучив нас с близким сердцу, Он как бы говорит каждому из нас: "Смотри, как непрочно все земное! Вот был у тебя друг, с которым ты привык делить и горе, и радость, которого жизнью ты жил доселе и надеялся жить долго. И вот и этот искренний друг твой тебя оставил. Еще остаются у тебя друзья земные, но сколько они ни стараются утешить тебя — участие их не утешает, а иногда еще более растравляет раны твоего сердца. А придет пора и они тебя оставят со своими утешениями, или потому, что не так горячи будут к тебе или потому, что сами будут иметь нужду в утешении, и тогда ты останешься один с горестью в сердце. Так-то непрочно, так ненадежно все земное!... Перестань же напрасно искать для себя утешения на одной земле; устреми лучше молитвенный взор свой на небо и проси оттуда себе утешения. Там Я, твой друг всегдашний, если только ты не захочешь быть врагом Моим. Я слышу вздохи твои, вижу слезы твои и всегда готов помочь тебе, только жду, когда

ты скажешь: Господи! Помоги мне!... Все друзья твои не всегда с тобою, а Я с тобою всегда и везде: бодрствуешь ли — с тобою; почиваешь ли — с тобою; плачешь ли — с тобою; живешь ли — с тобою; умрешь ли — с тобою..."

Но к молитве к Спасителю кто откажется присоединить молитву и к Пречистой Его Матери, небесной заступнице всех скорбящих? Не Она ли стояла при кресте распятого сына своего, не ее ли душу проходило в то время оружие, предсказанное ей праведным Симеоном (Лук.2:35)? Кому же, как не ей, особенно понятны все вздохи нашего сердца, которые вылетают из груди нашей при разлуке с близкими?... А чье ходатайство за нас недостойных, обремененных печалью, сильнее на небе ходатайства Матери Божией? И чего возлюбленный Сын не сделает по молитве и ходатайству возлюбленной Матери?

А и все угодники Божии никогда, никогда не откажутся от ходатайства за нас перед Господом, чтобы Он, Всесильный, сократил наши вздохи, отер наши слезы... Они ведь старшие братья наши и любят нас более, чем мы любим их. Они некогда были такими же людьми на земле, как и мы, облеченные плотью; чувствовали всю цену и важность родственных и дружеских отношений, чувствовали и всю тяжесть, какая давит сердце при разрыве этих отношений. Мало ли плакал святой Григорий над прахом брата своего Кесария? Мало ли пролил слез святой Амвросий Медиоланский над гробом брата своего Сатира?... Они ли, потому, откажутся от ходатайственного участия в нашей скорби, если только мы с полной верою и усердием обратимся к ним за помощью?... Вот сколько у нас утешителей на небе!

Но, предаваясь подобным размышлениям и сопровождая их горячею молитвою, отнюдь не должны мы предаваться праздности. Праздность никогда не доведет до добра, а в подобных случаях она открывает обширное поприще для горького раздумья, — а отсюда один шаг, — и гибельное отчаяние. Нет: если когда мы теряем друга или благодетеля, то в то именно время, мы должны усилить свою деятельность. Прежде, когда у нас был человек, который делил с нами труды и заботы, мы могли еще позволить себе более свободы и более беспечности, в той надежде, что если не мы, то друг наш позаботится окончить то, что мы не успели совершить. Теперь — дело другое! Теперь мы одни должны взять на себя то, что прежде лежало на нас обоих. Тут ли место праздности?... И что, если от нашей недеятельности дела наши придут в расстройство? Тогда к прежнему горю — новое горе, к прежним слезам — новые слезы!... Нет, с полной верою и живым упованием на Промысел Божий, содействующий всякому доброму начинанию, продолжим, и еще с большим усердием, те наши занятия, какие угодно было Господу назначить нам. И тогда, при помощи Божией, дела наши пойдут тем же, или еще лучшим порядком, каким шли и прежде, а между тем, эта непрерывная деятельность наша не даст места горькому, бесполезному раздумью. В трудах и время, хоть и тяжкое, незаметно течет. В трудах и скорбь сердечная незаметно слабеет...

Вот все, что могло высказать сердце того, кому Господь судил иметь немало потерь, и потерь очень близких сердцу, кто искал утешения в скорби своей и находил его только в этих и подобных христианских размышлениях, и по влечению сердца, и по долгу звания своего желал бы поделиться отрадными для него мыслями и чувствами со всеми, кому только мысли его и чувства могли быть близки!... "Господь утешает нас во всякой скорби

нашей для того, — говорит Апостол, — чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!" (2Кор.1:4) Прочитав эту книжицу, скорбящая душа христианская, помяни в святых молитвах своих, вместе с близкими сердцу твоему усопшими, и написавшего ее в твое утешение преосвященного епископа Гермогена, почившего о Господе 17-го августа 1893 года:

"Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная!"...

СКОРБЬ МУЖА НА МОГИЛЕ ЖЕНЫ

* * *

Стонет сердце, замирает,
Слезы просятся из глаз;
Скука душу раздирает
Каждый день и каждый час!...
Чем я грусть свою рассею,
Чем я горю помогу?...
Сирота — я!... Что затею,
И придумать не могу...
Не поверишь, друг мой милый,
Что за крест лежит на мне!
Днем, как тень брожу унылый;
Нет отрады и во сне.
Ах!... невольно плачут очи,
Ах!... мне сродно горевать...
Ах!... мне ль, горькому, в час ночи
Сном спокойным засыпать?...
Да, мой друг, твоя могила
Сколько горя принесла,
Сколько бед мне причинила,
Сколько вздохов извлекла!...
Тяжко мне!... Как блеск зарницы,
Ты сверкнула в жизни сей,
Пала, как слеза с ресницы,
Ты, душа души моей...
Весь истерзанный тоскою,
То по кладбищу брожу,
То с поникшей головою
На приют твой здесь гляжу.

Средь могильного безмолвья,
Средь березок и крестов,
У твоего изголовья
Говорю я, — но без слов:
Нем язык для выраженья
Горьких дум моих, скорбей;
Сил упадок; дух в смущеньи,
Словно — ад в душе моей!...
Все потеряно с тобою,
Нет отрады мне ни в чем;
Нет минуты мне покою...
Повернулось все вверх дном!...
Кто ж смягчит души тревогу?...
Добрый ангел мой, прости!...
За меня молись ты Богу,
Чтоб я мог мой крест нести...

УТЕШЕНИЕ ИЗ МОГИЛЫ.

* * *

Что ты стонешь так ужасно,
Что вздыхаешь каждый час?
Твои слезы, верь, напрасно
Льются здесь из твоих глаз.
Можно ль плакать, что я скоро
В горний перешла чертог,
Что преплыв житейско море,
Я пристала там, где Бог!
Где бессмертие вкушают,
Светит где небесный свет,
Где покой не нарушают
Ни болезнь, ни дряхлость лет?
Ведь не первую сразила

Смерть меня своей косой:
Миллионы уложила
Спать сном смерти под землей.
Что ж слезам без меры литься,
Тяжкой скорбью грудь давить?
Каждый с жизнью простится,
Путь сей каждому лежит...
Мы одно с тобою были
По душе, любви, делам;
Но чтоб вместе смерть вкусили,
Не угодно небесам.
Юн ты, — я тебя юнее...
Но уж так судил нам Бог,
Чтоб я прежде и скорее
Отошла в Его чертог.
Отошла, но будь уверен,
Что я все еще с тобой,
Что я — та же, друг твой верен,
Хоть живу в стране другой.
Слышу вопли твои, стоны,
Вижу, как ты, друг, грустишь,
Как ты часто пред иконой
Слезы горькие струишь...
Но ты Бога раздражаешь,
Коль с отчаяньем грустишь:
Как ни плачешь, ни вздыхаешь,
А меня не возвратишь.
Все — Его святая воля!
Он — премудрый наш Отец!
Как ни горька твоя доля,
А всему придет конец...

Да, мой друг, среди ненастья
Ты будь бодр, не унывай:
На земле нигде нет счастья,
Здесь не ад, но и не рай.
Все кропится здесь слезами,
Скорбь — всем близкая родня,
И меж счастья цветами
Грусть таится, как змея...
Крест нам небо отверзает,
Крест блаженство нам дает;
Кто слезами засекает,
Тот с улыбкою пожнет.
Пусть слеза на гроб катится,
Пусть любовь в слезе блестит;
Пусть кадило здесь курится,
К небу пусть мольба летит.
Только слезы пусть невинны
Увлажняют, друг, твой взор,
Чтобы в них не были видны
К небу ропот иль укор...
Пусть мольба в слезе сияет,
Пусть любовь ее струит,
Пусть на небо проникает,
Пусть надежда в ней блестит.
О, как дух мой веселится,
Сладко как моим костям,
Над могилой коль курится
Мольбы чистый фимиам!
Так молись же, друг, и помни,
Что есть Бог, есть мир другой,
Где ты завтра иль сегодня

Можешь встретиться со мной...

Гермоген (Добронравин)

Взято с сайта «Орто-Рус»

http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_5386

Биография

Гермоген (Добронравин Константин Петрович), епископ Псковский и Порховский. Родился 21 февраля 1820 года в С.-Петербургской епархии в семье священника Слободы Московской Славянки, Царскосельского уезда. Обучался в Александровском духовном училище и СПб духовной семинарии. В 1845 году окончил СПб духовную академию со степенью магистра богословия, назначен профессором философии и латинского языка в Московскую духовную семинарию, где пробыл только один год. За этот краткий срок профессорской деятельности в нем очень ярко проявилась господствующая черта в характере - это сосредоточенность, глубокое мышление, усидчивость.

26 октября 1846 года рукоположен во священника и определен к С.-Петербургской Волковско-кладбищенской церкви.

Здесь он приложил особенное старание и все свое сердце к тяжелой кладбищенской службе, совершая ее всегда с искренним благоговением и полным вниманием к нуждам скорбящего ближнего. Для характеристики этого служения, укажем на один случай, о котором говорит он сам в своем письме к выну духовному, предлагая ему разные утешения в постигшей того скорби. Раз является к о. Константину неизвестный человек с узелком в руке и предлагает ему в дар много разных вещей священных из Иерусалима: тут были и просфора, и крестики перламутровые, и свеча пасхальная и пр. О. Константин с изумлением спрашивает: "Чем я заслужил все это?" "Вот чем, - ответил тот, - когда я был в Иерусалиме, жена моя скончалась здесь, в Петербурге. Родные писали мне как Вы выносили ее, как хоронили, как безоговорочно совершали на могиле ее заупокойные молитвы; тяжело мне было на чужой стороне, но я утешался мыслью, что над ней Вы совершили все, чего требует долг христианский. Вот из чувства благодарности я и собрал для Вас палестинской святыни как можно больше, хотя лично доселе и не знал Вас"*)

Здесь на службе кладбищенской, суждено было о. Константину понести и самому скорбь, горше которой в жизни священника и быть не может, - похоронить нежно любимую супругу. В том же письме он пишет: "Вы знали мою покойную жену, знали и то, какая крепкая любовь соединяла нас друг с другом и потому можете себе представить, чего стоило мне перенести разлуку с ней. А, зная это, Вы не станете дивиться тому, что по ее смерти, душа моя жила не столько здесь, на земле, сколько там, в жизни загробной".

Много передумал он в это тяжкое время, искал утешения и в слове Божиим, и в отеческих Писаниях, и в беседах с мудрыми людьми. Чудные ему были видения и откровения свыше.*)

Плодом этой усиленной духовной деятельности осталось весьма назидательная книжка, изданная им под заглавием: "Утешение в смерти близких к сердцу" (СПб, 1854).

Сколько усердия ни прилагал он к служению при кладбище, сердце же однако влекло его к иной, в самом начале столь увлекавшей его педагогической деятельности.

В 1854 году он, по соизволению архипастыря, оставляет приходскую деятельность и определяется законоучителем 3-й СПб гимназии и настоятелем гимназической церкви. Находясь в гимназии, но проявил себя как умного, доброго и влиятельного наставника. Начальство и его сотоварищи оценили в нем силу его научного опыта, заключенную в сердце и уме смиренного и скромного педагога и избрали его для исполнения разных сторонних для сего заведения обязанностей: он был членом комитета при СПб духовной академии для издания книг духовно-нравственного содержания, действительным членом ее

конференции, штатным членом С-Петербургского Комитета Духовной Цензуры, епархиальным членом правления Александро-Невского духовного училища. За свои усиленные и многополезные труды он 20 апреля был возведен в сан протоиерея.

В 1869 году, на епархиальном съезде духовенства протоиерей Константин был избран в должность смотрителя Александро-Невского духовного училища. Некоторое время он колебался и медлил с принятием этой должности: тяжело ему было расставаться с гимназией; еще более затрудняло его устройство дочери; виднелась впереди иная перспектива жизни. Мудрый и добрый архипастырь митр. Исидор помог ему в отеческой заботе о дочери и облегчил ему вступление на новый путь жизни, к которому, видимо, вел его Господь. И к должности смотрителя протоиерей о. Константин также, по обычаю, прилагал все свое сердце. Как особенность его служения в этой должности, передают, что, как только какой наставник почему либо отсутствовал на уроке, смотритель тотчас же заменял его, чтобы дети не лишались урока. Многие дивились его трудолюбию, но, говорят, были и такие, которые осуждали ревностного начальника: "Его дела-де только и смотреть за другими, а не самому за них работать".

Печатными памятниками протоиерея Добронравина при училище остались: "Вечерние беседы отца с детьми о пении при богослужении и о церковной музыке" (СПб, 1875). "Литургика" (СПб, 1881).

1 сентября 1873 г. он принимает иночество с именем Гермогена. Пострижение в монашество совершено Преосв. Палладием, еп. Ладожским (впоследствии архиеп. Волынским). 8 октября 1873 года хиротонисан во епископа Выборгского, вик. СПб митрополии. Умудренный наукой, испытанный в путях жизни, он принимает это высокое служение с полным сознанием его трудности и в духе христианского и иноческого самоотвержения. "Помню, - говорил он в речи Св. Синоду при своем наречении, - помню слова святого Златоуста: "Добрый пастырь-епископ во всякое время подвизается не меньше тысячи мучеников..., и иду с твердым намерением всецело отдать свои силы на служение Богу, неустанно и неусыпно стоять на страже веры и Церкви, мужественно бороться с ее врагами и даже быть готовым, если бы пришло такое время, и пострадать за истину Христову, подражая тому великому первосвятителю Русской Церкви, коего священное имя дано мне в сане иноческом" (Минуты пастырского досуга, т. 1, с. 167, 169).

9 сентября 1976 года - епископ Ладожский. 24 апреля 1882 года перемещен на Таврическую кафедру. (В "ЦВ" 1893 г., № 35, с. 1286 ошибочно указана дата назначения на Таврическую кафедру 1876 год. См. "Приб. к "ЦВ" 1893, № 36, с. 1325).

С 9 марта 1885 года - епископ Псковский и Порховский. В 1893 году был вызван для присутствия в Св. Синоде в С-Петербург. Здесь он тяжело заболел воспалением легких. 14 августа над ним было совершено таинство Елеосвящения, приобщен Святых Таин, а 17 августа 1893 года он скончался. Погребен в Исидоровской Церкви Александро-Невской Лавры.

Отличительными чертами святителя во всех местах его служения являются: удивительная скромность его и в образе жизни и в словах и в действиях, искренние, сердечные отношения ко всем - этот взгляд добрый, ласковый, это сердечное слово сразу влекли к нему. Затем выставляются строгое его воздержание, заботливость о просвещении паствы, для которой он не только организовал духовно-просветительные общества и беседы, но и сам лично участвовал в этих беседах, попечительность о вдовах и сиротах духовенства, в особенности о воспитании девиц духовного звания. Нежная любовь к бывшей на руках его единственной дочери внушала ему такое же чувство и в отношении к другим, находившихся в подобном ей положении.

"Горячо любил архипастырь, - говорил в своем слове архимандрит Мефодий, - и здесь (в Пскове) посещать все учебные заведения и в особенности епархиальное женское училище. "Это детище мое", - так обыкновенно выражал любовь свою архипастырь к сему еще юному заведению".

Добрую и святую память оставил по себе Преосвященный Гермоген. Солидные и ценные печатные труды служат памятниками его ревностного служения и замечательного трудолюбия.

Но, говорят, много весьма ценных исследований иерарха храниться в рукописях.

Несомненно, он собирал такие же сведения и о Псковской епархии, какие собрал о Таврической.

Псковская страна так богата и историческими воспоминаниями и бытовыми особенностями. Весь досуг свой архипастырь отдавал кабинетному труду, в нем находил отдых и отраду от трудов и скорбей.

Как отражение его возвышенной души служит составленное им стихотворение "Житейское море", которое мы помещаем здесь.

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

Дай, добрый товарищ, мне руку свою.
И выйдем на берег морской. Там спою
я грустную песню про жизнь, про людей,
Про синее море, про шторм кораблей.
Ты видишь, как на море ветер все рвет?
Ты слышишь, как синее стонет, ревет?
Вот волны, как горы, вот бездны кипят,
Вот брызги серебристые к небу летят...
И в море житейском, и в жизни людской
Бывают такие-ж невзгоды порой:
Там буря страстей, словно море, ревет,
Там злоба, подчас, словно ветер, все рвет;
Там зависти речи, как волны...
И слезы страдальца, как брызги летят...
Ты видишь?... Вот... верх челн..., вот... в бездне исчез,
Вот снова поднялся, как мертвый воскрес...
Но ветер беспощадно ударил, рванул, -
И челн, колыхаясь, в волнах утонул...
И в море житейском, и в жизни людской
Не часто-ль встречается случай такой!...
Там бьется страдалец, как рыба об лед:
То явится помощь, то все пропадет...
Там мучится бедный в борьбе,
И часто он гибнет, как гибнет челнок...
Товарищ, Ты плачешь при песне моей?...
Скучна эта песня; но истина в ней...
Что плакать, товарищ!... Ты слезы отри,
На тихую пристань теперь посмотри.
Пусть ветер бушует, пусть море кипит,
Но в пристани тихой ничто не страшит,
Тут люди спокойны: бедам тем конец,
Которые на море терпит пловец.
А в море житейской, а в жизни земной
Где тихая пристань, где людям покой?
Вот тихая пристань - святой Божий храм!
Сюда, мой товарищ, спешить нужно нам.
Здесь в горе и нуждах всегда благодать
Готова нам скорую руку подать...

Что плакать, товарищ! Ты слезы отри,
На светлое небо еще посмотри.
Ты видишь, как на небе солнце горит,
И всем оно светит, добро всем творит -
И этим деревьям, и этой земле,
И этой былинке, растущей в скале.
И в море житейской, и в жизни земной,
Как солнце на небе, Творец Всеблагой!
Он всем управляет; Он каждого зрит,
и всем за их слезы блаженство дарит.
Обладая даром церковного песнопения, он дал мелодию на слова этого стихотворения.
В 1932 году при закрытии Лавры тело святителя найдено нетленным.

Труды:

По истории Церкви

Очерк истории Русской Церкви, СПб, 1863.

Краткая история Русской Церкви - век X-XIX. СПб, 1866.

Таврическая епархия (с топографией и историческими сведениями о губернии), Псков, 1887.

Отзыв о книге "Таврическая епархия", "Приб. к "ЦВ" 1888, № 5, с. 124-125.

Очерк истории Славянских Церквей. СПб, 1873, 2-е изд., 1899.

Очерк истории христианской Церкви (век X-XIX).

СПб, 1866.

Краткий очерк Армяно-Греко-Российской Церкви". Дух. беседа.", 1857.

Вероучения Армянской Церкви. Магистерское сочинение. "Дух. беседа", 1857.

Российское Библейское общество, с критической заметкой на сочинение
(о том же Пынина). "Странник", 1869.

Справочный листок о Церквах и духовенстве епархиального ведомства в СПб епархии за
1876 год. "Церк. Вестн.", 1877.

По догматическому богословию.

О Св. Таинствах Православной Церкви. 2-е изд., 1904.

По Литургике.

Вечерние беседы отца с детьми о пении при богослужении и о церковной музыке. СПб, 1876.

О богослужении Православной Церкви. 6-е изд., 1903.

Литургия. СПб, 1881.

Духовно-нравственные.

Филарет, митр. Московский. "Странник", 1869 и др.

Воспоминания о Преосв. Антонии, архиеп. Воронежском. "Странник", 1869 и др.

Георгий затворник Задонского монастыря. "Странник", 1869 и др.

Рассказ детям про Саровского затворника Серафима. "Странник", 1869 и др.

Рассказ отца детям про жизнь митр. Ионы, б. Экзарха Грузии. "Странник", 1869.

Св. Стефан, еп. Пермский. "Дух. беседа", 1857.

О верности изучений жизни святых. "Дух беседа", 1857.

Св.. Дмитрий, митр. Ростовский. "Дух беседа", 1857.

Мирянин-пустынный. "Дух. беседа", 1857.

Св. Николай, еп. Мирликийский. "Дух. беседа", 1857.

Привет академии. "Церк. Вестн.", 1884.

Утешение в смерти близких сердцу. СПб, 1854 (1902, 2-е изд.)

По Гомилетике.

Минуты пастырского досуга (слова и речи, приветствия, думы, стихотворения)
1-2 том, СПб, 1882.
Речь в собрании "Псково-Мефодиевского Братства". "Церк. Вестн.", 1887, № 21.
Пепел, яко хлеб ядых... "Дух. беседа", 1857.
Послание прихожанам Коровской церкви, островского уезда по поводу появления и распространения штунды.
"Приб. к "ЦВ" , 1889, № 6, с. 131-140.
"Мое прошлое",
"Изд. Журнала "Странник" в 1909 году.

Литература:

"ЦВ" 1892, № 20, с. 176.
- " - 1893, № 23, с. 198.
"Приб. к "ЦВ" 1888, № 5, с. 124.
- " - 1889, № 6, с. 131.
- " - 1893, № 34, с. 1247.
- " - 1893, № 35, с. 1275, 1283.
- " - 1893, № 36, с. 1323-1325.
- " - 1893, № 42, с. 1513-1514.
"Душеп. Собес." 1894, вып. 1, с. 27.
"Русск. Палом." 1893, № 36, (фото).
"Прав. Собес." 1901, апрель, с. 491.
- " - 1902, декабрь, с. 760.
"Христ. Чтения" 1875, сентябрь-декабрь, с. 490.
- " - 1888, сентябрь-декабрь, с. 212-213.
"Самар. Ев" 1895, № 1, с. 9.
"Изв. Каз. Еп." 1895, №№ 10, с. 231.
- " - 1894, № 10, с. 596.
"ЖМП" 1958, № 9, с. 42.
"Состав Св. Прав. Всер. Син. и Рос. Церк. Иерархии на 1893 г.", с. 21.
Списки архиереев Иерархии Всерос."
СПб, 1896, № 431, с. 63.
А. Родосский "Словарь воспитанников СПб дух. акад.", с. 103, 104, 105.
Булгаков, с. 1410, 1413.
БЭС т. , с. 640.
РБС т. , стб. 76-78.
БЭЛ т. , с. 333.
Пр. Нкр т. , с. 583.
Заметки и дополнения Е. М. № 59.

Гермоген Добронравин

(в миру Константин Петрович) — епископ Псковский, сын священника слободы Московской Славянки Царскосельского уезда, родился 21 февраля 1820 г. и обучался в Александро-Невском духовном училище и С.-Петербургских семинарии и Духовной Академии. По окончании академического курса третьим магистром в 1845 г. Добронравин был назначен учителем философии

и латинского языка в Московскую семинарию, но в следующем году был рукоположен во священника к церкви С.-Петербургского Волкова кладбища. В 1854 г. он был переведен в законоучителя и настоятеля церкви С.-Петербургской 3-й гимназии; будучи законоучителем, он состоял членом конференций С.-Петербургской Духовной Академии, Академического Комитета для издания духовно-нравственных книг и Комитета Духовной Цензуры. Возведенный в 1864 г. в сан протоиерея, Добронравин в 1869 г. был назначен смотрителем Александро-Невского духовного училища. Вдовевший с 1854 г., протоиерей Добронравин, устроив судьбу единственной дочери, 1 сентября 1873 г. принял монашество с именем Гермогена; 8 сентября он был возведен в сан архимандрита, 28 сентября назначен епископом Выборгским, викарием С.-Петербургской митрополии, и 21 октября хиротонисан. Переименованный 9 сентября 1876 г. во епископа Ладожского, Гермоген 24 апреля 1882 г. получил самостоятельную Таврическую епархию, а 9 марта 1885 г. был переведен во Псков. Вызванный в 1893 г. в С.-Петербург для присутствия в Св. Синоде, Гермоген заболел воспалением легких и скончался в 4 часа утра 17 августа на Синодальном Благовещенском подворье. Он был погребен в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры возле правого клироса.

Получив в духовной школе свою фамилию за кротость, доброту и приветливость, Гермоген на всю жизнь сохранил эти качества. На всех поприщах он отличался неуклонным исполнением своих обязанностей. В Московской семинарии он имел самое благотворное влияние на своих учеников. В

гимназии он приобрел репутацию "умного, доброго и влиятельного наставника". Чуждый всяких новшеств в преподавании, он требовал от учеников твердого знания устарелого в главах иных законоучителей Филаретова Катехизиса, но знания отчетливого с ясным пониманием всех текстов, заучивавшихся непременно на славянском языке; каждый текст читал он по книге и объяснял буквальное значение каждого слова; старые слова в Катехизисе заменял новыми, изменял старую расстановку слов; все это переправлял карандашом в своей книге и велел то же самое делать детям в их книгах. В духовном училище его уроки по "церковному уставу" были "содержательны и интересны", и у него "учились все не потому, что приходилось иметь дело со смотрителем, а потому, что знакомство с предметом происходило под руководством опытного и искусного учителя"; он на всех уроках заменял отсутствовавших учителей, и в 1872—73 учебном году прекрасно подготовил учеников к экзамену по русскому языку, "ходил неустанно на каждый урок, просто и вразумительно сообщал и разъяснял правила русской грамматики". На епископское служение Гермоген смотрел как на подвиг. "Иду, говорил он при наречении во епископа, с твердым намерением всецело отдать свои силы на служение Богу, неустанно и неусыпно стоять на страже веры и Церкви, мужественно бороться с ее врагами и даже быть готовым и пострадать за истину Христову". Особенно ревностно он относился к обязанностям наблюдателя за преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях. На экзаменах в нем сказывался старый, опытный и преданный делу законоучитель, и "для законоучителей, по признанию одного из них, экзаменационные беседы архипастыря с детьми служили прекрасными образцовыми уроками". В епархиях он заботился о просвещении паствы при помощи духовно-просветительных обществ и внебогослужебных бесед, о призрении вдов и сирот духовенства и о воспитании его детей. "Это детище мое", говорил он о Псковском епархиальном женском училище.

Гермоген оставил после себя много учено-литературных трудов, которых часть осталась не напечатанной. Он издал ряд руководств по церковной истории и литургике: "Краткая История Русской Церкви", "Очерк Истории Славянских Церквей", "Очерк Истории Христианской Церкви", "Литургика, или Учение о богослужении Православной Церкви", выдержавшее 6 изданий, "О Таинствах Православной Церкви", "Очерк учения и богослужения Армянской Церкви" (его магистерская диссертация) и издал в 1887 г. историко-статистическое описание Таврической епархии под заглавием "Таврическая Епархия"; он собирал материалы для такого же описания Псковской епархии. Он обладал и даром церковного песнописца и в 1886 г. составил "Службу" почивающему в Псковском соборе князю Довмунту-Тимофею. Много статей исторического, агиологического и нравоучительного содержания он помещал в духовных журналах. Большая часть этих статей вошла в изданный Гермогеном двухтомный сборник под заглавием "Минуты Пастырского Досуга". Он описал юность трех вселенских святителей и жизнь Николая Мирликийского, Пахомия

Великого, преп. Ксенофонта, Иоанна Дамаскина, Стефана Пермского и Димитрия Ростовского и составил общее рассуждение "О важности изучения жизни св. угодников Божиих"; им напечатаны воспоминания о Филарете Московском, Антонии Воронежском, Ионе, экзархе Грузии, и Афанасии Казанском; он интересовался и аскетизмом и писал не только о Серафиме Саровском, но и о Задонском затворнике Георгии и о каком-то неизвестном Малоархангельском юродивом Терентии; он дал популярные статьи "о пении при богослужении и церковной музыке" и о "святых местах". Гермоген старался придавать своим сочинениям популярную, хотя иногда как бы старомодную, эпистолярную или диалогическую, форму: у него есть и "Беседы священника с прихожанами о неосуждении ближнего и о исповеди", и "Вечерние беседы отца с детьми" о церковном пении и о святых местах, и "Разговор между двумя крестьянами Боголюбом и Миролубом о том, как надо проводить воскресные и праздничные дни", и "Беседа старика с молодыми о том, верить ли снам". Видавший вещие сны, в молодости потерявший жену, соединенную с ним "крепкою любовью", и в качестве кладбищенского священника нагнавший на скорбь живых при разлуке с умершими, Гермоген особенно часто задумывался над вопросами о смерти, будущей жизни и общении между умершими и живыми. По поводу смерти жены им написано "Утешение в смерти близких сердцу", выдержавшее более 10 изданий. Гермоген смотрел на жизнь, как на странствие, поле брани, "грозное и шумное море, воздвигаемое напастей бурей, на котором на утлой ладье нашей душе непрестанно угрожают опасности". "Самое опасение, писал он, чтоб со временем не изменилась счастливая обстановка, не есть ли уже для сердца червь кровожадный? А страх смерти, которая рано или поздно, а непременно пресечет земное счастье?.. Здесь нет радости без скорби, нет счастья без бед". Но Гермоген был чужд мрачного отчаяния. "Кормило веры и якорь надежды" спасали его среди тревожных житейского моря. "Что со мной ни случится, писал он, у меня всегда готово слово, согретое верою и надеждою". Для Гермогена "жизнь и смерть и радость и горе все во власти Божией". "Все Его святая воля, он премудрый наш Отец", говорит он в одном из своих стихотворений. Смерть для него "начало новой, несравненно лучшей жизни, начало бессмертия", а бестелесное состояние усопших, по его убеждению, "отнюдь не препятствует их общению" с живыми. Гермоген не запрещает плакать об умерших, он даже одобряет эти слезы, с которыми "точно капля по капле вытекает вся жгучесть душевной скорби, весь яд сердечной болезни", но слезы, по его мнению, не должны быть слезами отчаяния:

Пусть мольба в слезе сияет,

Пусть любовь ее струит,

Пусть на небо проникает,

Пусть надежда в ней блеснит.

Таким же христианским упованием на Бога проникнуто и известное стихотворение Гермогена "Житейское Море", положенное на ноты и получившее характер духовного канта. В заключительных строках духовный поэт говорит:

Что плакать, товарищ! Ты слезы отри,

На небо святое еще посмотри.

Ты видишь, как на небе солнце горит

И всем оно светит, добро всем творит:

И этим деревьям, и этой земле,

И этой былинке, растущей в скале.

И в море житейском, и в жизни земной,

Как солнце на небе, Творец Всеблагой!

Он всем управляет; Он каждого зрит

И всем за их слезы блаженство дарит.

Родосский, "Биографич. словарь студентов С.-Петербургской Духовной Академии, 103—105; "Списки

Архиереев", № 431; "Церковные Ведомости, изд. при Св. Синоде", 1893 г., 1247, 1274—1276 (здесь стихотворение "Житейское море"), 1283—1286, 1323—1325, 1513—1514; "Минуты Пастырского Досуга", I—II, СПб. 1882 г.; "Русск. Паломник" 1893 г. № 36 (с портретом Гермогена); "Новое Время" 1893 г. № 6275; "Новости", 18 августа 1893 г.; Василев И. И., "Св. Благоверный Князь Домант-Тимофей Псковский", 29.

В. Шереметевский.